

Г И Й О М
М Ю С С О

бумажная девушка

Annotation

Талантливый, успешный писатель Том Бойд переживает не лучшие времена – его бросила любимая девушка, он почти разорен, но главное – слова больше не хотят складываться в предложения, и ему кажется, что никогда в жизни он не напишет ни строчки.

Появление в его доме Билли, героини его романа, перешагнувшей границу, отделяющую вымышленный мир от реального, возвращает ему вдохновение. Ее жизнь под угрозой, и спасти ее может только он, тот, кто ее выдумал.

И вот очередной роман готов, Билли исчезает из его жизни. Опять – громкий успех, съемки и интервью, хвалебные рецензии и толпы восторженных поклонников.

Но отчего же так тяжело на душе?

Он спас Билли, но кто спасет его от тоски по ней?

Гийом Мюссо

Бумажная девушка

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2017

© ООО Издательство «Э», 2017

* * *

Посвящается моей матери

Для чего нужны книги, если они не ведут нас к жизни, если им не удастся заставить нас пить ее с еще большей жадностью?

Генри Миллер

Пролог_

Интересоваться жизнью писателя, потому что вам нравятся его книги, – все равно что интересоваться жизнью утки, потому что вы любите фуа-гра.

Маргарет Этвуд

(«Ю-Эс-Эй Тудэй» – 6 февраля 2008 года)

«ТРИЛОГИЯ АНГЕЛОВ»

ПОКОРЯЕТ АМЕРИКУ

История невозможной любви

между молодой женщиной

и ее ангелом-хранителем стала

главным литературным успехом года. Разберемся с этим феноменом.

В издательстве «Даблдэй» в нее никто по-настоящему не верил. Изданный тиражом всего 10 000 экземпляров первый роман никому не известного тридцатитрехлетнего Тома Бойда за несколько месяцев стал одним из самых продаваемых романов года. «Компания ангелов», первая из трех книг саги, в течение двадцати восьми недель оставалась на верхней строке топ-листа продаж. В США было продано более трех миллионов экземпляров, и сейчас роман переводят в более чем сорока странах.

Действие романа происходит в Лос-Анджелесе, одновременно романтическом и фантастическом, где разворачивается история фантастической любви между Далилой, студенткой, изучающей медицину, и Рафаэлем, ее ангелом-хранителем, который присматривает за ней с самого детства. Но сверхъестественный сюжет – всего лишь предлог, чтобы затронуть такие сложные темы, как инцест, изнасилование, донорство органов или безумие.

Подобно «Гарри Поттеру» или «Сумеркам», «Компания ангелов» быстро собрала публику вокруг чрезвычайно насыщенного мира романа. Самые преданные читатели стали ядром настоящего сообщества со своим собственным кодексом и многочисленными теориями. В интернете уже существуют сотни сайтов, посвященных героям, созданным Томом Бойдом, – очень скромным автором – молодым учителем, выходцем из бедного

квартала Макартур-парк в Лос-Анджелесе. До того как к нему пришел успех, Бойд преподавал литературу трудным подросткам в школе, в которой учился он сам пятнадцатью годами ранее.

После успеха своего первого романа он оставил школу, подписав контракт с издательством «Даблдэй» на две следующие книги... и получив два миллиона долларов.

* * *

(«Граммофон» – 1 июня 2008 года)

ФРАНЦУЗСКАЯ ПИАНИСТКА

АВРОРА ВАЛАНКУР СТАЛА ЛАУРЕАТОМ ПРЕСТИЖНОЙ ПРЕМИИ ЭВЕРИ ФИШЕРА

Знаменитая пианистка Аврора Валанкур (ей всего тридцать один год) в субботу получила престижную премию Эвери Фишера. Денежное вознаграждение составляет 75 000 долларов. Эта престижная премия каждый год вручается выдающемуся музыканту за его исключительный вклад в развитие классической музыки.

Аврора Валанкур родилась в Париже 7 июля 1977 года и считается одной из самых талантливых исполнительниц своего поколения.

Суперстар клавиш

Она получила образование в Институте Кертиса в Филадельфии, и уже в 1997 году на нее обратил внимание Андре Гревен, который пригласил ее в совместное турне. Это стало признанием, открывшим для нее двери знаменитых театров мира и послужившим началом ее международной карьеры. Далее последовали концерты с известными оркестрами, но, разочаровавшись в элитарной системе классической музыки, в январе 2003 года она внезапно оставила сцену. Валанкур отправилась в путешествие вокруг света на мотоцикле, которое продлилось два года и закончилось среди озер и обрывистых берегов Савай-Мадхопура в Индии, где она провела несколько месяцев.

В 2005-м Аврора обосновалась на Манхэттене, вернулась на сцену и в звукозаписывающие студии, одновременно активно включившись в работу фондов по защите окружающей среды. Эта деятельность обеспечила ей новое внимание в прессе, и популярность Авроры стала шире, вышла за пределы узкого круга меломанов.

Благодаря своей яркой выигрышной внешности Аврора получила приглашение на фотосессии от многих модных журналов (гламурные снимки для «Вэнити Фэар» и более откровенные фото для «Спортс Иллюстрейтед»...) и стала лицом крупной марки нижнего белья. Рекламные контракты превратили ее в самую хорошо оплачиваемую пианистку в мире.

Несмотря на свой молодой возраст, Валанкур является примером виртуозного владения инструментом, хотя ее часто упрекают за некоторую сухость исполнения, особенно – романтического репертуара.

Громко заявляя о своей свободе и независимости, она стала сущим «кошмаром» для организаторов концертов: все уже сбились со счета, сколько раз она в последнюю минуту отказывалась выступать и капризничала как избалованная дива.

Ее характер проявляется и в личной жизни. Вечная одиночка, она заявляет, что не ждет от любовной привязанности ничего, а легкомысленное отношение к жизни, девиз которой «наслаждайся моментом», лишь увеличивает количество ее побед на личном фронте. Скандальные романы со знаменитостями из шоу-бизнеса превратили Аврору Валанкур в единственную классическую пианистку, привыкшую к подобной рекламе, что не слишком нравится пуристам игры на фортепьяно.

* * *

(«Лос-Анджелес Таймс» – 26 июня 2008 года)

АВТОР «ТРИЛОГИИ АНГЕЛОВ»

ПЕРЕДАЛ 500 000 ДОЛЛАРОВ В ДАР

ОДНОЙ ИЗ ШКОЛ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА

В то время как его второй роман «Память ангела» поднимается на вершину рейтингов, писатель Том Бойд дарит полмиллиона долларов Харвест-хай-скул в Лос-Анджелесе, о чем сообщил ее директор. Именно в этой школе, расположенной в бедном квартале Макартур-парка, Бойд учился, когда был подростком. Потом он преподавал там литературу до того момента, когда уволился после успеха своей первой книги.

Наша газета обратилась к писателю за подтверждением, но он не пожелал что-либо объяснять. Избегающий общения с прессой, загадочный романист уже начал писать третий том своей саги.

* * *

(«Старз Ньюз» – 24 августа 2008 года)

ПРЕКРАСНАЯ АВРОРА СНОВА СВОБОДНА!

Несчастье одних – счастье для других. Тридцатилетняя пианистка и топ-модель Аврора Валанкур только что порвала со своим приятелем, испанским теннисистом Хавьером Сантосом, роман с которым длился несколько месяцев.

Поэтому спортсмен проведет несколько дней заслуженного отпуска, после прекрасного выступления на Ролан Гаррос и Уимблдоне, со своими друзьями из Барселоны. А его бывшая дама сердца едва ли надолго останется в одиночестве...

* * *

(«Вэрайети» – 4 сентября 2008 года)

«ТРИЛОГИЯ АНГЕЛОВ»

СКОРО В КИНО

Студия «Коламбия Пикчерс» приобрела права на экранизацию «Трилогии ангелов», романтической и фантастической саги Тома Бойда.

«Компания ангелов», «Память ангела»... Эти два названия знакомы миллионам читателей, которые затаив дыхание буквально проглотили первые два романа трилогии от первой и до последней страницы.

Съемки экранизации первого тома должны начаться очень скоро.

* * *

От кого: patricia.moore@speedaces.com

Тема: Исцеление

Дата: 12 сентября 2008

Кому: thomas.boyd2@gmail.com

Здравствуйте, мистер Бойд. Я давно хотела вам написать. Меня зовут Патрисия, мне 31 год, я одна воспитываю двоих детей. С любимым человеком, с которым я создала семью, мы были вместе до его последнего вздоха. Он страдал от неврологического заболевания, которое постепенно отбирало у него силы. Из этого периода моей жизни я вышла более пострадавшей, чем мне хотелось бы это признать. Наша история была такой короткой... После личной драмы я и открыла для себя ваши книги.

В ваших историях я нашла убежище и вышла оттуда умиротворенной. В ваших романах персонажам часто дается возможность изменить свою судьбу, свое прошлое и исправить совершенные ошибки. А я только надеюсь полюбить снова и снова стать любимой.

Спасибо за то, что вы помогли мне примириться с жизнью.

* * *

(«Пари Матэн» – 12 октября 2008 года)

АВРОРА ВАЛАНКУР:

ИСТИННЫЙ ТАЛАНТ ИЛИ ПОСРЕДСТВЕННАЯ САМОЗВАНКА?

Вчера перед Театром Елисейских полей собралась толпа любителей классической музыки. Молодая и блестящая пианистка, реклама которой бежит впереди нее, продолжает вызывать любопытство.

В программе были заявлены концерт «Император» Бетховена и вторая часть «Экспромтов» Шуберта... Заманчивое меню, которое не оправдало ожиданий.

Несмотря на безупречную технику, концерт был исполнен без души и лиризма. Скажем без колебаний: Аврора Валанкур в большей степени продукт маркетинга, чем сверходаренная и гениальная пианистка, какой ее представляют в телерепортажах. Без присущей ей пластики и ангельского личика она была бы обычным музыкантом, поскольку «феномен Валанкур» основывается исключительно на действиях хорошо смазанной бизнес-машины, сумевшей ловко превратить добросовестную исполнительницу в звезду, которой льстят.

А знаете, что самое грустное во всем этом? Ее музыкальная незрелость не помешала публике, очарованной имиджем, аплодировать ей изо всех сил.

* * *

От: myra14.washington@hotmail.com

Тема: Книги, не похожие на другие...

Дата: 22 октября 2008

Кому: thomas.boyd2@gmail.com

Здравствуйте, мистер Бойд. Меня зовут Мира, мне 14 лет. Я «подросток из предместья», как пишут в газетах. Я хожу в школу в Макартур-парке, и я была на том семинаре, когда вы приходили в наш класс. Даже представить не могла, что когда-нибудь буду читать романтическую прозу. Но ваши романы меня увлекли. Я сэкономила карманные деньги, чтобы купить вашу вторую книгу, но денег мне все-таки не хватило, поэтому я подолгу оставалась между стеллажами в «Барнс & Ноблз», чтобы прочесть ее несколько раз...

Просто спасибо.

* * *

(TMZ.com – 13 декабря 2008 года)

АВРОРА И ТОМ КАК ВЛЮБЛЕННЫЕ

НА КОНЦЕРТЕ «КОРОЛЕЙ ЛЕОНА»?

В субботу «Короли Леона» дали мощный концерт в Форуме Лос-Анджелеса. В толпе, пришедшей аплодировать рок-группе из Нэшвилла, пианистка Аврора Валанкур и писатель Том Бойд вели себя как очень близкие люди. Взгляды сообщников, нежные слова на ушко, руки вокруг талии. Короче, эти двое больше чем друзья. Фото ниже говорят сами за себя. Судите сами...

* * *

(TMZ.com – 3 января 2009 года)

АВРОРА ВАЛАНКУР И ТОМ БОЙД: ВЛЮБЛЕННЫЕ БЕГАЮТ ТРУСЦОЙ

Желание сохранить стройность или эскапада влюбленных? В любом случае Аврора Валанкур и Том Бойд не отказали себе в удовольствии долго бегать трусцой по аллеям Центрального парка, еще белым от снега. [...]

* * *

(TMZ.com – 18 марта 2009 года)

АВРОРА ВАЛАНКУР И ТОМ БОЙД ИЩУТ КВАРТИРУ НА МАНХЭТТЕНЕ

* * *

(«Ю-Эс-Эй Тудэй» – 10 апреля 2009 года)

НОВАЯ КНИГА ТОМА БОЙДА

ВЫЙДЕТ ДО КОНЦА ГОДА

Издательство «Даблдэй» вчера сообщило: заключительная глава саги Тома Бойда выйдет этой осенью. Поклонников писателя ждут часы захватывающего чтения.

Последний том «Трилогии ангелов» называется «Неразбериха в раю», и его выход в свет

должен стать одним из главных событий года.

* * *

(«Энтертейнмент Тудэй» – 6 мая 2009 года)

ТОМ ИЩЕТ ИДЕАЛЬНОЕ КОЛЬЦО

ДЛЯ АВРОРЫ

Писатель провел три часа в нью-йоркском магазине «Тиффани» в поисках идеального кольца для женщины, с которой он встречается несколько месяцев.

Продавщица рассказала: «Он выглядел очень влюбленным и беспокоился, старался выбрать кольцо, которое понравилось бы его подруге».

* * *

От: Svetlana.shaparova@hotmail.com

Тема: Воспоминание о любви

Дата: 9 мая 2009

Кому: thomas.boyd2@gmail.com

Уважаемый мистер Бойд,

Прежде всего, прошу вас меня извинить за возможные орфографические ошибки. Я русская и плохо говорю по-английски. Вашу книгу мне подарил мужчина, которого я любила. Мы встретились в Париже. Вручая мне вашу книгу, он просто сказал: «Прочти, и ты поймешь». Этот мужчина (его звали Мартин) и я, мы больше не вместе. Но ваша история напоминает мне о том, что нас связывало и что делало меня такой живой. Когда я вас читаю, я словно в моей раковине. Я говорю вам спасибо, если вы читаете это письмо, и желаю вам большого успеха в вашей личной жизни.

Светлана

* * *

(Onl!ne – 30 мая 2009 года)

АВРОРА ВАЛАНКУР И ТОМ БОЙД ПОССОРИЛИСЬ В РЕСТОРАНЕ

* * *

(Onl!ne – 16 июня 2009 года)

АВРОРА ВАЛАНКУР «НЕВЕРНА» ТОМУ БОЙДУ?

* * *

(TMZ.com – 2 июля 2009 года)

АВРОРА ВАЛАНКУР И ТОМ БОЙД: КОНЕЦ ИСТОРИИ

Знаменитая пианистка, переживавшая в течение нескольких месяцев историю любви с Томом Бойдом, была замечена на прошлой неделе в обществе Джеймса Бульери, барабанщика рок-группы «Сфинксы».

* * *

Вы, должно быть, уже видели это видео... Оно долго было среди самых просматриваемых на YouTube и Dailymotion, вызывая уйму комментариев, насмешливых – наиболее многочисленных – и сочувствующих.

Место? Зал Королевского Альберт-холла в Лондоне. Событие? «Променады Би-би-си», один из самых знаменитых в мире фестивалей классической музыки, который напрямую транслирует Би-би-си.

В начале видео на сцену под оглушительные аплодисменты тысяч меломанов, вставших плотными рядами у основания величественного викторианского купола, выходит Аврора Валанкур. Одета в строгое черное платье, из украшений лишь неброское жемчужное кольцо, она приветствует оркестр, садится к роялю, с силой опускает руки на клавиши. Звучат первые аккорды «Концерта» Шумана.

Первые пять минут зал сосредоточенно слушает, увлеченный музыкой. Поначалу необузданное, ее фразирование становится более свободным, нежным, как сон, до того как...

...обманув службу охраны, какому-то мужчине удастся влезть на сцену и направиться к солистке.

– Аврора!

Молодая женщина подскакивает на месте и коротко вскрикивает.

Весь оркестр останавливается в унисон, появляются два телохранителя, чтобы скрутить хулигана и прижать его к полу.

– Аврора! – повторяет он.

Придя в себя после испуга, пианистка встает и жестом приказывает телохранителям освободить мужчину. Ошеломленные зрители погружаются в странное молчание.

Мужчина поднимается, убирает рубашку в брюки, чтобы вернуть хотя бы видимость самообладания. Его глаза, покрасневшие от выпивки и недостатка сна, сверкают.

Это не террорист и не ясновидец.

Просто влюбленный мужчина.

Просто несчастный мужчина.

Том подходит к Авроре и неловко делает ей предложение в несколько безумной надежде на то, что этого хватит, чтобы возродить пламя в глазах той, кого он все еще любит.

Но, не в силах скрыть свое смущение или выдерживать дольше его взгляд, молодая женщина прерывает его:

– Все кончено, Том.

Жалкий, он разводит руками в знак непонимания.

– Все кончено, – повторяет она шепотом, опуская глаза.

* * *

(«Лос-Анджелес Дэйли Ньюз» – 10 сентября 2009 года)

**СОЗДАТЕЛЬ «ТРИЛОГИИ АНГЕЛОВ» АРЕСТОВАН В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО
ОПЬЯНЕНИЯ**

В пятницу вечером автор бестселлеров был арестован за управление автомобилем в нетрезвом виде. Он мчался со скоростью сто пятьдесят километров в час по дороге, где скорость ограничена семьюдесятью.

Вместо того чтобы признать свою вину, Том Бойд повел себя с офицерами полиции вызывающе, угрожая разрушить их карьеру. На него надели наручники и поместили в камеру вытрезвителя. Власти говорят, что у него было более 1,6 грамма алкоголя в крови, тогда как разрешенная доза в Калифорнии составляет 0,8 грамма.

Тома Бойда отпустили несколько часов спустя, он принес свои извинения в коммюнике, распространенном его агентом Мило Ломбардо: «Я повел себя как последний безумец и своим безответственным поведением мог подвергнуть опасности не только мою жизнь».

* * *

(«Паблшер Уикли» – 20 октября 2009 года)

ВЫХОД ПОСЛЕДНЕГО ТОМА «ТРИЛОГИИ АНГЕЛОВ» ОТКЛАДЫВАЕТСЯ

Издательство «Даблдэй» только что объявило о том, что выход нового романа Тома Бойда переносится на следующее лето. Поэтому читателям придется запастись терпением еще на восемь месяцев, по прошествии которых они узнают развязку успешной саги.

Это опоздание может быть связано с недавними неприятностями в жизни автора, с которыми он столкнулся после тяжело переживаемого им любовного разрыва, как будто погрузившего его в глубокое отчаяние.

Эту версию опровергает его агент Мило Ломбардо: «Том ни в коем случае не страдает от синдрома чистого листа! Он работает целыми днями, чтобы предложить своим читателям самый лучший роман. Все могут это понять».

Но едва ли поклонники Бойда отнесутся к этому именно так! В течение недели офис издателя был завален письмами протеста. В интернете даже выставили на голосование петицию, чтобы потребовать от Тома Бойда выполнения обязательств!

* * *

От: yunjibuym@yahoo.com

Тема: Послание из Южной Кореи

Дата: 21 декабря 2009

Кому: thomas.boyd2@gmail.com

Уважаемый мистер Бойд! Я не буду рассказывать вам мою жизнь. Просто признаюсь вам, что недавно я прошел курс лечения в психиатрической клинике от сильной депрессии. Я много раз пытался закончить мои дни. Во время лечения одна медсестра убедила меня открыть одну из ваших книг. С вашим творчеством я уже был знаком заочно: сложно не заметить обложки ваших романов в метро, в автобусах или на террасах кафе. Я думал, что ваши истории написаны не для меня. И ошибался. Разумеется, жизнь не такая, как в книге, но я нашел в ваших сюжетах и персонажах ту маленькую искорку, без которой я был ничем.

Примите мою искреннюю благодарность,

Юнджин Буим

* * *

(Onl!ne – 23 декабря 2009 года)

ПИСАТЕЛЬ ТОМ БОЙД АРЕСТОВАН В ПАРИЖЕ

Автор бестселлеров был арестован во Франции в аэропорту Шарля де Голля в прошлый понедельник после того, как он подрался в кафе с официантом, отказавшимся обслуживать изрядно перебравшего клиента. Бойда заключили под стражу. В результате проведенного расследования прокурор Республики сообщил, что объявит о своем решении перед коррекционным трибуналом в Бобиньи в конце января.

* * *

От: mirka.bregovic@gmail.com

Тема: Ваша самая преданная читательница в Сербии!

Дата: 25 декабря 2009

Кому: thomas.boyd2@gmail.com

Уважаемый мистер Бойд. Впервые обращаюсь к тому, с кем знакома исключительно посредством прочтения им написанных книг! Я преподаю литературу в маленькой деревушке на юге Сербии, где нет ни библиотеки, ни книжного магазина. В этот праздничный день, 25 декабря, позвольте мне пожелать вам счастливого Рождества. На заснеженную сельскую местность спускается ночь. Я надеюсь, что когда-нибудь вы посетите нашу страну, и почему бы вам тогда не заглянуть в мою деревню Рикановица?!

Спасибо за все эти мечты.

С дружеским приветом

Мирка.

P.S.: И еще мне хотелось сказать вам, что я не верю ни единому слову из того, что пишут в газетах и в интернете о вашей личной жизни.

* * *

(«Нью-Йорк Пост» – 2 марта 2010)

ТОМ БОЙД В ОПАСНОСТИ?

Позавчера вечером в двадцать три часа по пока неизвестной причине успешный писатель поссорился с клиентом в шикарном баре «Фриз» в Беверли-Хиллз. Спор между двумя мужчинами перерос в потасовку. Быстро прибывшая на место полиция арестовала молодого писателя, обнаружив при нем десять граммов кристаллического метадона.

Обвиненный в хранении наркотиков, он был выпущен на свободу под залог, но вскоре должен предстать перед Верховным судом Лос-Анджелеса.

Держим пари, что на этот раз ему потребуется хороший адвокат, чтобы избежать тюрьмы...

* * *

От: eddy93@free.fr

Тема: Хороший человек

Дата: 3 марта 2010

Кому: thomas.boyd2@gmail.com

Представляюсь: меня зовут Эдди, мне 19 лет, и я готовлюсь к экзаменам на сертификат профессиональной пригодности кондитера в Стэне в пригороде Парижа. Я полностью прогулял годы обучения в коллеже и лицее из-за моих

приятелей и выраженной зависимости от гашиша.

Но вот уже год, как в моей жизни появилась девушка – она супер, и чтобы ее не потерять, я решил прекратить вести себя как тупица. Я снова начал учиться, и вместе с ней я не только зазубриваю, но и понимаю то, о чем читаю. Среди книг, которые она заставляет меня читать, ваши мои любимые: они вытаскивают из меня самое лучшее.

Сейчас я с нетерпением жду вашу следующую историю. Но мне не нравится то, что о вас рассказывает пресса. В ваших романах мои любимые персонажи как раз те, кто умеет оставаться верным своим ценностям. Так что если во всем этом есть хоть капля правды, следите за собой, мистер Бойд. Не потеряйтесь в выпивке или в таком дерьме, как наркотики.

И не становитесь, в свою очередь, мерзавцем.

Со всем моим уважением, Эдди.

1. Дом на берегу океана

Случается, что женщина встречается с негодяем и решает сделать из него святого. Иногда ей это удается. Случается, что женщина встречает святого и решает сделать из него негодяя. Это ей удается всегда.

Чезаре Павезе^[1]

– Том, открой мне!

Крик, подхваченный ветром, остался без ответа.

– Том! Это я, Мило. Я знаю, что ты здесь. Выходи из своего логова, черт возьми!

Малибу. Округ Лос-Анджелес, штат Калифорния. Дом на пляже

Уже больше пяти минут Мило Ломбардо без остановки колотил по деревянным ставням, выходящим на террасу дома его лучшего друга.

– Том, открывай! Или я выломаю дверь! Ты знаешь, что я на это способен!

Мило был в модной приталенной рубашке, отлично сшитом костюме и солнечных очках, но выглядел неважно.

Сначала он решил, что время залечит раны Тома, однако кризис, который тот переживал, не только не проходил, а становился все хуже. Последние полгода Том Бойд вообще не выходил из дома, предпочитая забаррикадироваться в своей золоченой клетке и не отвечать ни на звонки мобильного, ни на сигнал домофона.

– Том, я в который раз прошу тебя:пусти меня!

Каждый вечер Мило приезжал и принимался барабанить в дверь шикарной резиденции, но дело заканчивалось жалобами соседей и обязательным появлением службы безопасности, которая охраняла покой богатейших обитателей анклава «Колония Малибу».

Но в этот раз медлить было нельзя. Нужно было действовать, пока не стало слишком поздно.

– Отлично, ты сам этого хотел! – с угрозой произнес Мило, сбросил пиджак, вооружился фомкой из титана, которую ему одолжила Кароль, их подруга детства, работавшая теперь детективом в полицейском управлении Лос-Анджелеса.

Мило оглянулся. Пляж с мелким песком дремал под лучами золотистого солнца начала осени. Сгрудившиеся, словно сардины, роскошные виллы стояли вдоль моря, объединенные общим желанием не пустить на берег непрошенных гостей. Многие деловые люди, медийные персоны и звезды шоу-бизнеса выбрали для проживания это место. Не говоря уже о звездах кино: Том Хэнкс, Шон Пенн, Ди Каприо, Дженнифер Энистон – все они имели здесь дома.

Ослепленный сиянием, Мило прищурился. В пятидесяти метрах от него перед хижинкой на сваях адонис в купальном костюме, выполнявший обязанности спасателя, приложил к глазам бинокль и, казалось, был загипнотизирован силуэтами сёрфингисток, поднимавшихся и опускавшихся на мощных волнах Тихого океана.

Решив, что путь свободен, Мило принялся за работу.

Он сунул согнутый конец металлического рычага в одну из прорезей рамы, нажал изо всех сил, и деревянные планки ставень разлетелись в щепки.

«Есть ли все-таки у людей право защищать своих друзей от самих себя?» – спрашивал он себя, входя в дом.

Но этот приступ совестливости продлился не дольше секунды: если не считать Кароль, у Мило всегда был только один друг в этом мире, и он был готов сделать что угодно, только бы тот забыл о своей печали и вновь почувствовал вкус к жизни.

* * *

– Том?

На погруженном в полумрак первом этаже царила подозрительная тишина, запах плесени смешивался с запахом затхлости. Груды посуды высились в кухонной раковине, гостиная выглядела разгромленной, как после ограбления: мебель перевернута, на полу валялась одежда, тарелки и разбитые стаканы. Мило переступил через коробки от пиццы, упаковки китайской еды, «трупы» пивных бутылок и открыл все окна, чтобы прогнать мрак и проветрить комнаты.

В выстроенном в форме буквы Г двухуровневом коттедже был подземный бассейн. Несмотря на беспорядок, дом излучал умиротворение: светлая мебель из клена, очень светлый паркет и обильный естественный свет. В обстановке – одновременно винтажной и дизайнерской – искусно сочетались предметы современной и традиционной мебели, типичной для того времени, когда Малибу был всего лишь пляжем для сёрфингистов, а не золоченым логовом миллиардеров.

На скрючившегося в позе эмбриона на диване Тома было страшно смотреть: всклокоченный, бледный, с бородой Робинзона Крузо, он не был похож на изысканные фотографии, украшавшие обложки его романов.

– Подъем! – протрубил Мило.

Он подошел к дивану. Низкий столик был завален смятыми или сложенными рецептами. Доктор София Шнабель, «психиатр звезд», работавшая в кабинете в Беверли-Хиллз, снабжала добрую часть местной реактивной публики более или менее легальными психотропными препаратами.

– Том, проснись! – крикнул Мило, бросаясь к изголовью друга.

Он тщательно рассмотрел этикетки упаковок с лекарствами, разбросанными по полу и столу. Адская смесь анальгетиков, транквилизаторов, антидепрессантов и снотворных. Смертоносный коктейль XXI века.

– Черт побери!

Охваченный паникой, боясь отравления лекарствами, Мило схватил Тома за плечи, чтобы вырвать его из искусственного сна.

Он тряс его словно грушу, и в конце концов тот открыл глаза.

– Какого черта тебе у меня понадобилось? – пробормотал Том.

2. Два друга

Я говорил вечные фразы, которые повторяют, когда пытаются помочь разбитому сердцу, но слова этому не помогают. (...) Ничего из того, что можно сказать, никогда не сделает счастливым того, кто чувствует себя в черном дерьме, потому что он потерял ту, которую любит.

Ричард Бротиган^[2]

– Какого черта тебе у меня понадобилось? – пробормотал я.

– Ты меня беспокоишь, Том! Уже несколько месяцев ты не выходишь отсюда и глушишь себя успокоительным.

– Это моя проблема! – заявил я, принимая сидячее положение.

– Нет, Том, твои проблемы – это мои проблемы. Мне казалось, что это и есть дружба. Разве не так?

Сидя на канapé, прикрыв лицо руками, я пожал плечами, наполовину пристыженный, наполовину отчаявшийся.

– В любом случае, – продолжал Мило, – не рассчитывай, что я позволю женщине довести тебя до такого состояния!

– Ты мне не отец! – ответил я, с трудом поднимаясь на ноги.

У меня закружилась голова, я едва устоял на ногах и вынужден был опереться на спинку канapé.

– Это так, но если мы с Кароль тебе не поможем, кто это сделает?

Я повернулся к нему спиной, не попытавшись ответить. В трусах я прошел через гостиную в кухню, чтобы налить стакан воды. В моем фарватере Мило отыскал большой мешок для мусора и открыл холодильник, чтобы разобраться с продуктами.

– Если у тебя нет намерения покончить с собой с помощью просроченного йогурта, то я бы посоветовал тебе выбросить всю молочку, – сказал он, нюхая баночку творога с подозрительным запахом.

– Я не заставляю тебя его есть.

– А этот виноград? Ты уверен, что Обама уже был президентом, когда ты его купил?

Затем Мило принялся наводить подобие порядка в гостиной, подбирая самый объемный мусор, упаковки и пустые бутылки.

– Почему ты это хранишь? – с упреком спросил он, указывая на цифровую рамку с диорамой фотографий Авроры.

– Потому что я У СЕБЯ ДОМА, а У СЕБЯ ДОМА я не обязан перед тобой отчитываться.

– Возможно, но эта женщина разбила тебя на тысячу кусков. Ты не считаешь, что пора спустить ее с пьедестала?

– Послушай, Мило, тебе Аврора никогда не нравилась...

– Это правда, она мне совершенно не нравится. И, скажу откровенно, я всегда знал, что в конце концов она тебя бросит.

– Ах вот как? Могу я узнать, почему?

Слова, которые он долго хранил в сердце, со злобой вырвались из его рта:

– Потому что Аврора не такая, как мы! Потому что она родилась с серебряной ложкой во рту. Потому что для нее жизнь всегда была игрой, тогда как для нас она всегда была боем...

– Если бы все было так просто... Ты ее не знаешь!

– Прекрати ей поклоняться! Посмотри, что она с тобой сделала!

– Разумеется, с тобой такого произойти не могло! Если не считать твоих девиц, в твоей жизни никогда не было любви!

Помимо нашего желания мы заговорили громче, и теперь каждая реплика звучала как оплеуха.

– Но то, что ты испытываешь, не имеет ничего общего с любовью! – вышел из себя Мило. – Это другое: конденсат страдания и разрушительной страсти.

– Я хотя бы рискую. Тогда как ты...

– Это я-то не рискую? Я прыгнул с парашютом с Эмпайр-стейт-билдинг. Это видео разошлось по интернету...

– И что это тебе принесло кроме большого штрафа?

Как будто не услышав меня, Мило перечислил:

– Съехал на лыжах с Белой горы в Перу, спустился на парашюте с Эвереста... Я вхожу в число тех немногих людей в мире, кто поднялся на гору Чогори...

– Если речь идет об игре в камикадзе, то да, в этом ты мастер. Но я-то говорю о риске любить – этот точно тебе не по зубам. Ты никогда не отваживался даже с...

– ПРЕКРАТИ! – рявкнул он и схватил меня за ворот футболки, чтобы помешать закончить фразу.

Мило замер в этой позе на несколько секунд, сжав кулаки и злобно глядя на меня, пока он не осознал ситуацию: друг пришел мне помочь, но был всего в двух шагах от того, чтобы врезать мне кулаком по физиономии...

– Прости, – сказал он, разжимая пальцы.

Я пожал плечами и вышел на просторную террасу, выходящую на океан. В доме, скрытом от посторонних взглядов, был прямой выход на пляж. Туда вела принадлежащая только мне лестница, на ступенях которой стояли терракотовые кашпо с умирающими растениями. Уже несколько месяцев у меня не было сил их поливать.

Я взял старые очки от солнца «Рейбан Вайфарер», забытые на столе из яванского тика, чтобы защитить глаза от слепящего сияния, и рухнул в качалку.

Мило зарулил в кухню и присоединился ко мне с двумя чашками кофе, протянул мне одну.

– Ладно, довольно этого ребячества. Давай поговорим серьезно, – предложил он, присаживаясь на стол.

Устремив взгляд на волны, я не оказывал никакого сопротивления. В это мгновение мне хотелось только одного: чтобы Мило побыстрее рассказал мне то, ради чего он пришел, и отвалил, чтобы я мог пойти выблевать мою тоску в раковину, а потом снова проглотить пригоршню пилюль, которые унесут меня далеко от реальности.

– Сколько мы с тобой знакомы, Том? Двадцать пять лет?

– Около того, – сказал я, делая глоток кофе.

– Еще когда мы были подростками, ты всегда был голосом разума, – начал Мило. – Ты не дал мне наделать немало глупостей. Без тебя я бы уже давно сидел в тюрьме, а может быть, уже умер. Без тебя Кароль никогда бы не стала полицейским. Без тебя я не смог бы купить дом для моей матери. Короче, я знаю, что всем обязан тебе.

Смущенный, я отмахнулся от его аргументов:

– Если ты пришел для того, чтобы нести весь этот вздор...

– Это не вздор! Мы сумели устоять, Том: перед наркотиками, перед насилием банд; смогли перемолоть испорченное детство...

На этот раз аргумент попал в цель, и я вздрогнул. Несмотря на успех и подъем по социальной лестнице, во мне все еще жил пятнадцатилетний подросток, который так и не уехал из квартала Макартур-парк, с его наркодилерами и лестничными клетками, полными криков. А еще там всюду был страх.

Я повернул голову и посмотрел на океан. Прозрачная вода сверкала тысячей оттенков от бирюзового до ультрамаринового. Лишь несколько волн, гармоничных и регулярных, волновали Тихий океан. Его спокойствие резко контрастировало с нашей полной перипетий юностью.

– Мы чистые, – продолжал Мило. – Мы заработали деньги честным путем. Мы не носим под пиджаком оружие. На наших рубашках нет ни капли крови, как нет и следов кокаина на наших банкнотах...

– Не понимаю, как все это связано с...

– У нас есть все, чтобы быть счастливыми, Том! Здоровье, молодость, увлекательная работа. Ты не можешь все искорежить из-за женщины. Это слишком глупо! Она тебя не заслуживает. Побереги свою печаль до тех дней, когда настоящее несчастье постучит в нашу дверь.

– Аврора была женщиной моей жизни! Как ты этого не понимаешь? Почему ты не уважаешь мою боль?

Мило вздохнул:

– Что ж, если ты хочешь, я скажу. Если бы она *действительно* была женщиной твоей жизни, то это она сегодня была бы здесь, с тобой, чтобы помешать тебе погрузиться в разрушительный бред.

Он одним глотком выпил свой эспрессо и констатировал:

– Ты сделал все, чтобы ее вернуть: умолял, пытался заставить ее ревновать, потом ты прошел через унижение перед всем человечеством. Пойми же, все кончено: она не вернется. Аврора перевернула страницу, и тебе следовало бы сделать то же самое.

– У меня не получается, – признался я.

Мило как будто задумался на мгновение, и на его лице появилось одновременно озадаченное и загадочное выражение.

– Что ж, я полагаю, что у тебя просто не осталось выбора.

– Как это?

– Прими душ и оденься.

– Для чего?

– Съедем говяжьи ребра в «Спаго».

– Я не слишком голоден.

– А я веду тебя туда не ради еды.

– А ради чего тогда?

– Для поднятия тонуса – поверь, он тебе понадобится, когда я наконец скажу тебе то, что должен.

3. Съеденный человек

*Нет, Джеф, ты не один,
Но перестань плакать
Вот так перед всеми,
Потому что она почти старуха,
Потому что она крашеная блондинка
И – снова бросила тебя (...)
Я знаю, что у тебя болит сердце,
Но это надо вынести, Джеф.*

Жак Брель ^[3]

– Почему перед моим домом припаркован танк? – спросил я, указывая на импозантный спортивный автомобиль, чьи чудовищные колеса давили на тротуар Колония-роуд.

– Это не танк, – оскорбился Мило, – это «Бугатти Вейрон», модель «Черная кровь», один из самых мощных болидов в мире.

Малибу. Солнце начала второй половины дня. В деревьях шумит ветер

– Ты *опять* купил машину! Ты что их, коллекционируешь?

– Это не машина, старик. Это произведение искусства!

– Я называю это «ловушкой для телок». Неужели еще находятся девушки, с которыми проходит этот трюк с тачкой?

– А ты думаешь, что мне нужны уловки, чтобы подцепить классную девчонку?

Я скривился. Никогда не мог понять увлечения моих братьев-мужчин купе, родстерами и прочими автомобилями с откидным верхом...

– Идем, посмотрим на зверя! – предложил Мило. Его глаза засверкали.

Чтобы не разочаровывать друга, я заставил себя обойти машину. Поджарый, близкий по форме к эллипсу, «Бугатти» походил на кокон, а немногочисленные наросты на нем сверкали на солнце и спорили с черным, как ночь, кузовом: хромированная решетка радиатора, металлизированные зеркала заднего вида, сверкающие диски колес, за которыми горели голубым пламенем дисковые тормоза.

– Хочешь взглянуть на двигатель?

– Еще бы, – вздохнул я.

– Ты знал, что таких машин всего пятнадцать штук в мире?

– Нет, но я счастлив это слышать.

– Он разгоняется до ста километров в час за две секунды, а максимальная скорость почти четыреста километров в час.

– О, да, несомненное преимущество во времена дорогого бензина, полицейских радаров, расставленных через каждые сто метров, и тотальной заботы об экологии планеты!

На этот раз Мило не сумел скрыть своего разочарования:

– Ты настоящий брюзга, Том! Человек, совершенно не способный ценить легкость бытия и получать удовольствие от жизни!

- Такой человек необходим, чтобы уравновесить наш дуэт, – парировал я. – Так как ты уже выбрал роль беззаботного весельчака, я взял ту, что оставалась.
- Давай, садись.
- За руль?
- Нет.
- Почему?
- Потому что у тебя отобрали права, и тебе это отлично известно...

* * *

Автомобиль выехал из тенистых аллей Малибу-колони и помчался по Пасифик-коуст-хайвей, проходящей вдоль берега. «Бугатти» скользил по дороге легко. В его салоне, затянутом патинированной кожей с оранжевыми отблесками, было тепло. Я чувствовал себя абсолютно защищенным, словно драгоценность в уютном ларце, поэтому закрыл глаза, убаюканный старым соулом Отиса Реддинга^[4], звучащим по радио.

Я осознавал, что это спокойствие, мнимое и хрупкое, обеспечили мне несколько таблеток транквилизаторов, которые я успел сунуть под язык после душа. Но моменты передышки бывали настолько редкими, что я уже научился их ценить.

С тех пор как Аврора бросила меня, мое сердце источила болезнь, похожая на рак. Она надолго поселилась в нем, словно крыса в кладовке с продуктами. Печаль – каннибал и хищник – пожирала меня, пока не оставила пустым: без единой эмоции и воли. Первые недели страх перед депрессией держал меня настороже, заставляя бороться против подавленности и горечи. Но и он покинул меня, а вместе с ним ушли достоинство и желания, даже простое желание сохранить внешние приличия. Эта внутренняя проказа грызла меня без остановки, смывая краски жизни, вытягивая все соки, гася каждую искорку. При малейшем намеке на то, что я готов снова контролировать мое существование, язва превращалась в гадюку, вливая в меня при каждом укусе порцию яда, который коварно проникал в мой мозг в виде болезненных воспоминаний: нежная кожа Авроры слегка дрожит, ее свежий аромат опьяняет, ресницы трепещут, золотистые песчинки отражаются в ее глазах...

Потом и сами воспоминания притупились. Я оглушал себя лекарствами, и все стало размытым. Я плыл по течению, проводя все дни на диване, запершись в темноте, в доспехах медикаментов, сраженный тяжелым искусственным сном, который в плохие дни заканчивался кошмарами, населенными грызунами с острыми мордами и морщинистыми хвостами. Я просыпался в поту, напряженный и трясущийся, охваченный единственным желанием снова убежать от реальности с помощью новой дозы антидепрессантов, еще более оглушающей, чем предыдущая.

В этом коматозном тумане протекали дни и месяцы, которых я не замечал, бессмысленные и пустые. Но реальность не отступала: моя боль оставалась все такой же тяжелой, и за год я не написал ни строчки. Мой мозг застыл. Слова бежали от меня, желание меня покинуло, воображение истощилось.

* * *

Рядом с пляжем Санта-Моника Мило свернул на межштатную магистраль номер десять в направлении Сакраменто.

– Ты видел результаты бейсбольного матча? – наигранно-весело спросил он, протягивая мне свой айфон, в котором был открыт спортивный сайт. «Ангелы» победили «Янки»!

Я рассеянно глянул на экран.

– Мило!

– Что?

– Смотри на дорогу, а не на меня.

Я знал, что мои мучения ставят моего друга в тупик. Он столкнулся с тем, чего никак не мог понять: с моим умственным пробуксовыванием и той внутренней неуравновешенностью, которые мы все носим в себе, но которых, как он ошибочно считал, я был лишен.

Свернув направо, чтобы подняться к Вествуду, мы въехали в «Золотой треугольник»^[5]. Известно, что здесь нет ни больниц, ни кладбищ – только чистейшие улицы с бутиками с заоблачными ценами, посещать которые нужно было по предварительной записи, как врача. С точки зрения демографии Беверли-Хиллз – уникальное место: здесь никогда никто не рождался и не умирал...

– Надеюсь, ты голоден, – сказал Мило, вылетая на Кэнон-драйв.

Мощные тормоза остановили «Бугатти» перед шикарным рестораном.

Протянув ключи служащему парковки, Мило, опережая меня на шаг, уверенно пошел в ресторан, где явно был постоянным клиентом.

Некогда плохой парень из Макартур-парка воспринимал возможность зайти позавтракать в «Спаго» как социальный реванш и делал это, не бронируя столик заранее, тогда как простому смертному пришлось бы озаботиться заранее, недели за три.

Метрдотель провел нас в изысканное патио, где лучшие столики принимали знаменитостей делового мира или шоу-бизнеса. Садясь, Мило незаметно сделал мне знак: в нескольких метрах от нас Джек Николсон и Майкл Дуглас заканчивали свой дижестив, тогда как за другим столиком актриса из комедийного сериала, героиня наших буйных подростковых сексуальных фантазий, жевала лист салата.

Я сел, безразличный к этому «престижному» окружению. Последние два года моя реализованная американская мечта позволила мне познакомиться с некоторыми из моих былых идиолов. На частных вечеринках в клубах или на огромных, словно дворцы, виллах я смог пообщаться с актерами, певцами и писателями, которые заставляли меня мечтать, когда я был моложе. Но эти встречи обернулись полным разочарованием и утратой иллюзий. Не стоило проникать за кулисы «фабрики грез». В «настоящей» жизни герои моей юности часто оказывались развратниками, занятыми вечной охотой на «молодые таланты», которые они употребляли, почти сразу же бросали, пресытившись, и пускались на поиски свежего мяса. И еще одно разочарование: некоторые актрисы, на экране полные очарования и остроумия, в обычной жизни лавировали между кокаином, анорексией, ботоксом и липосакцией.

Но какое я имел право судить их? Разве сам я не стал одним из тех типов, которых презирал? Жертва той же изоляции, того же пристрастия к лекарствам и того же универсального эгоцентризма, которые в моменты просветления вызывали у меня отвращение к самому себе.

– Наслаждайся! – с энтузиазмом воскликнул Мило, указывая на канапе, которые нам только что принесли вместе с аперитивом.

Я едва надкусил кусочек хлеба с тонким кусочком мраморного мягкого мяса.

– Это японская мраморная говядина Кобе, – объяснил Мило. – Представляешь, в Японии коров массируют саке, чтобы жир проникал в мышцы?

Я нахмурился, а он продолжал:

– Чтобы их побаловать, в корм добавляют пиво, а для расслабления включают классическую музыку. Вполне вероятно, что стейк, лежащий у тебя на тарелке, слушал игру Авроры. Возможно даже, он в нее влюбился. Видишь, у вас есть кое-что общее!

Я понимал, что друг изо всех сил старается меня развеселить, но даже юмор меня покинул.

– Мило, ты начинаешь меня утомлять. Может быть, ты, наконец, объяснишь, что такого важного ты хотел мне сообщить?

Он проглотил последнее канapé, не дав возможности своим вкусовым рецепторам раскрыться, а себе – распробовать мясо, вынул из портфеля крошечный ноутбук и открыл его на столе.

– Хорошо. Считай, что с этой минуты с тобой говорит не твой друг, а твой агент.

Это была его ритуальная фраза, с которой начиналась каждая наша так называемая «деловая» встреча. Мило был главной пружиной нашего маленького предприятия. Прижав к уху телефон, он жил на скорости сто километров в час, находясь на постоянной связи с издателями, зарубежными агентами и журналистами, в вечном поиске удачной идеи для продвижения книг своего единственного клиента: меня. Я не знал, как он уговорил «Даблдэй» опубликовать мой первый роман. В суровом мире книгоиздания Мило учился своему ремеслу на ходу, не имея ни специального образования, ни образования вообще, чтобы стать одним из лучших только потому, что он верил в меня больше, чем я верил в себя сам.

Мило искренне считал, что всем обязан мне, но я-то знал, что это *он* сделал из меня звезду, позволив мне после первой же книги войти в магический круг авторов бестселлеров. После первого успеха я получил предложения от самых известных литературных агентов, но я их все отклонил.

Потому что у моего друга Мило было редкое качество, которое я ставил превыше всего: верность.

Во всяком случае, так я думал до того утра, когда услышал его откровения.

Миру вокруг настолько не хватает надежды, что мне в два раза драгоценнее – мир внутри.

Эмили Бронте^[6]

– Начнем с хороших новостей. Продажи двух первых томов остаются все такими же высокими.

Мило повернул экран компьютера ко мне: красные и зеленые кривые устремлялись к потолку графика.

– Международный рынок принял эстафету от американского. И «Трилогия ангелов» сейчас становится феноменом планетарного масштаба. Всего лишь за шесть месяцев ты получил более пятидесяти тысяч писем от читателей! Ты можешь такое представить?

Я повернул голову и поднял глаза. Я ничего не представлял. Воздушные облака парили в отравленном воздухе Лос-Анджелеса. Мне не хватало Авроры. Зачем мне этот успех, если мне не с кем его разделить?

– Еще одна хорошая новость. Съемки фильма начинаются в следующем месяце. Кира Найтли и Эдриен Броуди подтвердили свое согласие, и влиятельные лица в «Коламбии» в восторге. Они только что уговорили поработать с ними главного художника «Гарри Поттера» и рассчитывают на выход фильма в июле следующего года на трех тысячах экранов. Я присутствовал на нескольких кастингах: это было великолепно. Тебе следовало пойти...

Официантка как раз принесла заказанные нами блюда – тальятелле с крабами для него и омлет с лисичками для меня, – когда на столике завибрировал телефон Мило.

Он бросил взгляд на высветившийся номер, сдвинул брови, помедлил секунду, прежде чем ответить, потом встал из-за стола, чтобы уединиться под небольшим витражом, соединявшим патио с остальным рестораном.

Разговор оказался коротким. До меня долетали обрывки фраз, прерываемых шумом зала. Я догадывался, что беседа была оживленной, с взаимными упреками и упоминанием проблем, которые оставались для меня непонятными.

– Это из издательства «Даблдэй», – объяснил мне Мило, снова усаживаясь за столик. – Звонили по поводу того, о чем я хотел с тобой поговорить. Ничего особо серьезного, всего лишь проблема с печатью люксового варианта твоего последнего романа.

Я дорожил этим изданием, которое мне хотелось видеть изысканным: готическая обложка из искусственной кожи, акварельные рисунки основных персонажей, еще не издававшиеся предисловие и послесловие.

– Какого рода проблема?

– Чтобы удовлетворить спрос, они в спешке выпустили тираж. Надавили на типографию, и что-то пошло не так. Результат: у них на руках сто тысяч бракованных экземпляров. Их пустят под нож, но, к сожалению, некоторые экземпляры уже отправили в книжные магазины. Они составят письмо, чтобы вернуть книги.

Мило достал из портфеля книгу и протянул мне. Даже при быстром перелистывании страниц брак бросался в глаза, потому что из пятисот страниц романа напечатанной

оказалась только половина. История резко обрывалась на странице 266 на незаконченной фразе:

«Билли вытерла глаза, почерневшие от потоков туши.

– Пожалуйста, Джек, не уходи так.

Но мужчина уже надел пальто. Он открыл дверь, даже не взглянув на любовницу.

– Умоляю тебя! – закричала она, падая»

И на этом все. Не было даже точки. Книга заканчивалась на слове «падая», а дальше – более двухсот пустых страниц.

Зная свои романы наизусть, я легко вспомнил предложение целиком:

...

«Умоляю тебя! – закричала она, падая на колени».

– Ладно, плевать на это, – отрезал Мило, берясь за вилку. – Пусть они сами разбираются в этом дерьме и улаживают дело. Самое важное, Том, это...

Я знал, что он скажет, еще до того, как он успел закончить фразу:

– Самое важное, Том, это... твой будущий роман.

Мой будущий роман...

Мило проглотил большую порцию пасты и снова застучал по клавишам своего ноутбука.

– Все только этого и ждут. Взгляни-ка на это!

На экране открылась страничка онлайн-продаж сайта amazon.com. Только по предварительным заказам мой «будущий роман» уже занимал первое место, как раз перед четвертым томом «Миллениума»^[7].

– Что ты об этом думаешь?

Я водил курсором по экрану:

– Думал, что Стик Ларссон умер, и четвертый том никогда не будет опубликован.

– Сейчас я говорю о *твоем* романе, Том.

Я снова посмотрел на экран, загипнотизированный продажами того, что еще не существовало и, возможно, никогда не будет существовать. Выход моей книги был анонсирован на десятое декабря этого года. До этой даты оставалось чуть больше трех месяцев. Книга, из которой я не написал ни строчки, и в моей голове существовал лишь пространный проект синопсиса.

– Послушай, Мило...

Но мой друг не был настроен давать мне слово:

– На этот раз я тебе обещаю рекламу, достойную Дэна Брауна. Только не живущий на Земле человек будет не в курсе даты выхода твоего романа в свет.

Увлеченного собственным энтузиазмом Мило было трудно остановить:

– Я уже поднял волну на Facebook, в Twitter и на дискуссионных форумах, где твои поклонники соперничают с твоими хулителями.

– Мило...

– Только в США и в Англии издательство «Даблдэй» запланировало выпустить первый тираж в количестве четырех миллионов экземпляров. Большие плакаты предвосхищали фантастическую неделю. Как и с «Гарри Поттером», книжные магазины откроются в полночь!

– Мило...

– А тебе нужно немного выйти из тени: я могу договориться о твоём интервью на эн-би-си...

– Мило!

– Все только это и обсуждают, Том! Никто из писателей не хочет, чтобы его книга вышла одновременно с твоей, включая Стивена Кинга. Он перенес выход своего карманного издания на январь, чтобы ты не отобрал у него читателей!

Чтобы заставить его замолчать, я грохнул кулаком по столу:

– ПРЕКРАТИ НЕСТИ ЭТОТ БРЕД!

Зазвенели бокалы, посетители подскочили на своих местах, бросая осуждающие взгляды в нашу сторону.

– Не будет никакого *нового* романа, Мило. Во всяком случае, в ближайшие годы. У меня ничего не получается, и тебе это отлично известно. Я пуст, не способен написать ни единой строчки, и, более того, я больше этого не хочу.

– Но ты хотя бы попытайся! Работа – лучшее лекарство. И потом, писательство – это твоя жизнь. И СПОСОБ вытащить тебя из этого ступора!

– Не думай, что я не пробовал: раз двадцать садился за компьютер, но один его вид вызывает у меня отвращение.

– Ты мог бы купить другой компьютер или писать от руки в школьных тетрадях, как делал это раньше.

– Да, а еще мог бы попробовать написать на пергаменте или на восковых табличках, но... Это ничего не изменило бы.

Мило, казалось, потерял терпение:

– Раньше ты мог работать везде! Я видел, как ты писал на террасе «Старбакса», на неудобных креслах в самолете. Ты писал, опираясь спиной на ограду баскетбольной площадки, а вокруг вопили зрители. Я даже видел, как ты печатал целые главы на мобильном телефоне, дожидаясь автобуса под дождем.

– Что ж, с этим покончено.

– Миллионы людей ждут продолжения твоей истории. Ты обязан это сделать ради твоих читателей!

– Это всего лишь книга, Мило, а не вакцина от ВИЧ!

Он открыл было рот, чтобы возразить, но его лицо вдруг застыло, как будто он только что понял: у него никакого другого средства заставить меня передумать, кроме...

Кроме как сказать мне правду...

– Том, у нас *настоящая* проблема, – начал он.

– О чем это ты?

– О контрактах.

– Да о каких еще контрактах?

– О тех, которые мы подписали с издательством «Даблдэй» и с твоими зарубежными издателями. Они выплатили нам огромные авансы с условием, что ты уложишься в срок.

– Но я никогда ничего не обещал.

– Зато я обещал от твоего имени. И эти контракты ты, возможно, не читал, но ты их подписал...

Я налил себе стакан воды. Мне не нравился оборот, который принимал наш разговор. Много лет назад мы распределили роли: Мило управляет бизнесом, я управляю игрой моего воображения. До этого момента эта сделка меня всегда устраивала.

– Издатели уже много раз переносили дату выхода книги. Если ты не закончишь книгу в декабре, нам грозят серьезные штрафы.

– Тебе нужно всего лишь вернуть им аванс.

– Это не так просто.

– Почему?

– Потому что мы его уже потратили, Том.

– Каким образом?

Мило с досадой покачал головой:

– Ты хочешь, чтобы я напомнил тебе, сколько стоил твой дом? Или то кольцо с бриллиантами, которое ты подарил Авроре и которое она тебе так и не вернула?

Какая наглость!

– Подожди, что это ты мне рассказываешь? Я отлично знаю, сколько я заработал и сколько я могу позволить себе потратить!

Мило опустил голову. На его лбу выступили капельки пота. Губы сжались, и его лицо, несколькими минутами раньше оживленное энтузиазмом, вдруг стало мрачным и расстроенным.

– Я... Я все потерял, Том.

– Что ты потерял?

– Твои деньги и мои.

– Что за бред?

– Я почти все деньги вложил в фонд, который, как оказалось, замешан в деле Мейдоффа^[8].

– Надеюсь, ты шутишь.

Но нет, мой друг не шутил.

– Все попали в эту ловушку, – расстроенно сказал он. – Крупные банки, адвокаты, политики, артисты, Спилберг, Малкович и даже Эли Визель^[9]!

– И сколько же у меня остается, если не считать дома?

– Твой дом заложен уже в течение трех месяцев, Том. И если уж быть до конца честным, то тебе нечем заплатить даже налог на недвижимость.

– Но... твоя машина? Она должна стоить больше миллиона долларов...

– Скажи два и не ошибешься. Но вот уже месяц я вынужден ставить «Бугатти» в гараж соседки, чтобы его не конфисковали!

Я долго молчал в оцепенении, пока меня вдруг не осенило:

– Я тебе не верю! Ты только что выдумал всю эту историю, чтобы заставить меня приняться за работу, верно?

– К несчастью, нет.

Теперь я взялся за телефон и набрал номер финансового совета, сотрудники которого занимались уплатой моих налогов, поэтому имели доступ ко всем моим счетам. Мой обычный собеседник подтвердил мне, что мои банковские авуары равны нулю, о чем, как я понял, он предупреждал меня на протяжении нескольких недель, посылая мне заказные письма и оставляя сообщения на автоответчике.

Сколько же времени я не забирал почту и не отвечал по телефону?

Когда я пришел в себя, то не испытал ни паники, ни даже желания броситься на Мило и разбить ему нос. Я почувствовал только лишь огромную усталость.

– Послушай, Том, мы уже выходили из куда более сложных ситуаций, – решил я

произнести он.

– Ты отдаешь себе отчет в том, что ты сделал?

– Но ты можешь все исправить, – заверил Мило. – Если тебе удастся закончить роман в срок, мы сможем быстро подняться.

– Как, по-твоему, я успею написать пятьсот страниц меньше чем за три месяца?

– Мне известно, что несколько глав уже готовы.

Я обхватил голову руками. Нет, Мило решительно не осознавал, как тяжело было мне ощущать собственное бессилие.

– Целый час я объяснял тебе, что пуст, что мой мозг заржавел, он сухой как галька. Проблема с деньгами ситуацию не исправит. Все кончено!

Мило продолжал настаивать:

– Ты мне всегда говорил, что для твоего душевного равновесия и психического здоровья тебе просто необходимо писать книги.

– Что ж, как видишь, я ошибался. Меня лишило разума не то, что я перестал писать, а то, что я потерял любовь.

– Но ты хотя бы осознаешь, что разрушаешь себя ради того, чего не существует?

– Это любовь не существует?

– Любовь определенно существует. Но ты придерживаешься идиотской теории о родственных душах. Якобы существует идеальная совместимость между мужчиной и женщиной, которым суждено встретиться...

– Так, значит, только идиоты верят в то, что есть человек, который может сделать тебя счастливым, с которым тебе хотелось бы состариться вместе?

– Разумеется, нет. Но ты-то веришь в другое: в идею о том, что на Земле есть только один человек, созданный для тебя. Что-то вроде части тебя, которой недостает с самого начала и отметину которой ты хранишь в плоти и в душе.

– Напоминаю тебе, что именно это сказал Аристофан в «Пире» Платона!

– Возможно, но этот твой Аристо-как-его-там и его Планктон ничего не написали о том, что именно Аврора – недостающая часть тебя. Поверь мне: расстанься с этой иллюзией. Мифология, возможно, уместна в твоих романах, но в реальности все действует совершенно по-другому.

– Да, ты прав, в реальности мой лучший друг не довольствуется тем, что разорил меня. Он еще позволяет себе давать мне советы! – огрызнулся я, выходя из-за стола.

Мило тоже встал, вид у него был несчастный. Я чувствовал, что в эту минуту он способен на все, только бы влить в мои вены дозу творчества.

– Итак, ты не собираешься писать роман?

– Не собираюсь. И с этим тебе ничего не удастся сделать. Написать книгу – это не то же самое, что собрать автомобиль или стиральную машину, – крикнул я ему, покидая зал.

Когда я вышел из ресторана, служащий протянул мне ключи от «Бугатти». Я сел за руль авто, включил двигатель, потом первую передачу. От кожаных сидений исходил дурманящий аромат мандарина, а приборная доска из лакированного дерева, украшенная отполированным алюминием, наводила на мысли о космическом корабле.

Ускорение прижало меня к креслу. Шины оставили следы резины на асфальте, а я в зеркале заднего вида увидел Мило. Он бежал за мной, изрыгая ругательства.

Ад существует, и теперь я знаю: ужас его в том, что сделан он из обрывков рая.

Алек Ковен^[10]

– Возвращаю тебе твой *инструмент*, можешь отдать его владельцу, – объявил Мило, протягивая Кароль титановую фомку, которую она ему одолжила.

– Его владелец – штат Калифорния, – ответила молодая женщина-полицейский, убирая металлический рычаг в багажник своей машины.

Санта-Моника. 7 часов вечера

– Спасибо, что заехала за мной.

– Где твоя машина?

– Том одолжил ее у меня.

– У Тома нет прав!

– Понимаешь, он на меня разозлился, – понурившись, признался Мило.

– Ты рассказал ему правду? – встревожилась Кароль.

– Да, но это не заставило его снова взяться за работу.

– Я тебя об этом предупреждала.

Кароль заперла машину, и они бок о бок начали спускаться по подвесному мосту к пляжу.

– Но разве ты сама не считаешь безумием желание разрушить себя из-за неудавшейся любви? – занервничал Мило.

Женщина печально посмотрела на него:

– Может быть, это и безумие, но такое постоянно случается. Мне это кажется трогательным и в высшей степени человеческим.

Мило пожал плечами и пропустил ее немного вперед.

Высокого роста, с матовой кожей, волосами цвета воронова крыла и прозрачными, словно вода, глазами Кароль Альварес несла себя с достоинством принцессы маяя.

Она родилась в Эль-Сальвадоре и в Штаты приехала в девять лет. Мило и Том знали ее с детства. Их семьи – или то, что от них осталось, – жили в одном старом доме в квартале Макартур-парк, испанском Гарлеме Лос-Анджелеса, излюбленном месте героинщиков и охотников свести счеты при помощи автоматического оружия.

Все трое делили одну и ту же нищету, жили в окружении давно не отремонтированных домов, ходили по засыпанным мусором тротуарам мимо магазинов с продавленными и исписанными граффити железными жалюзи.

– Посидим немного? – предложила Кароль, раскладывая полотенце.

Мило уселся рядом с ней на белом песке. Мелкие волны лизали кромку берега, оставляя серебристую пену, кусающую босые ноги гуляющих.

Переполненный в летние месяцы пляж этим осенним вечером был намного спокойнее. Знаменитый деревянный пирс Санта-Моники более века неизменно принимал жителей Лос-

Анджелеса, приезжавших сюда после рабочего дня, чтобы отдохнуть от стресса и городской суеты.

Кароль закатала рукава рубашки, сняла обувь, закрыла глаза и подставила лицо ветру и ласковому осеннему солнцу. Мило смотрел на нее с причиняющей боль нежностью.

Как и его самого, жизнь не пощадила Кароль. Ей едва исполнилось пятнадцать, когда ее отчим получил пулю в голову во время налета на его продуктовую лавку во время злополучных бунтов, охвативших бедные кварталы города в тысяча девятьсот девяносто втором году. После этой драмы она играла в прятки с социальными службами, чтобы не попасть в приемную семью, предпочитая скрываться у Черной Мамы, бывшей проститутки, копии Тины Тернер, с которой потеряли девственность половина парней Макартур-парка. Кароль кое-как продолжала учебу и подрабатывала: официантка в «Пицца-хат», продавщица дешевой бижутерии, администратор на заштатных конгрессах. При этом она с первого раза поступила в школу полиции, в двадцать два года уже работала в Департаменте полиции Лос-Анджелеса и преодолела первые ступени карьерной лестницы с удивительной быстротой. Сначала офицер, затем детектив и вот уже несколько дней – сержант.

– Ты давно говорила с Томом по телефону?

– Я отправляю ему по два сообщения в день, – ответила Кароль, открывая глаза, – но в лучшем случае получаю лаконичные ответы. – Она сурово посмотрела на Мило: – Что мы сейчас можем для него сделать?

– Прежде всего, не позволить ему убить себя, – ответил он, доставая из карманов пузырьки со снотворными и транквилизаторами, которые ему удалось тайком взять.

– Ты понимаешь, что во всем происходящем есть и доля твоей вины?

– Я виноват в том, что Аврора его бросила? – удивился Мило.

– Ты отлично знаешь, о чем я говорю.

– Значит, я виноват в том, что случился мировой финансовый кризис? Это я виноват, что Мейдофф украл пятьдесят миллиардов долларов? И потом, ответь мне честно: ты-то что думала об этой женщине?

Кароль бессильно пожала плечами:

– Я ничего не знаю, но уверена в том, что она не для него.

Вдали на дамбе всюду веселилась ярмарка. Крики детей смешивались с запахами сахарной ваты и яблок на палочке в красной карамели. Парк аттракционов с колесом обозрения и американскими горками был выстроен прямо на воде рядом с островом Санта-Каталина, который был виден сквозь легкую дымку.

Мило вздохнул:

– Боюсь, никто так никогда и не узнает, чем закончилась «Трилогия ангелов».

– Я знаю, – спокойно ответила Кароль.

– Ты знаешь конец истории?

– Том мне рассказал.

– Правда? Когда?

Взгляд Кароль затуманился.

– Давно, – расплывчато сказала она.

Мило нахмурился. К удивлению добавилось некоторое разочарование. Он считал, что знает о жизни Кароль все. Они виделись практически каждый день, она была его лучшим другом, его единственной настоящей семьей и – хотя он отказывался это признавать –

единственной женщиной, к которой он испытывал романтические чувства.

Он посмотрел на пляж, но мысли его были далеко. Как будто в телесериале, несколько смельчаков скользили по волнам на сёрфах, тогда как спасательницы с телами богинь наблюдали за океаном со своих деревянных вышек. Мило смотрел на них, но не видел, потому что не сводил глаз с Кароль.

Их соединяла сильная привязанность, уходящая корнями в детство, скрещенная со стыдливостью и уважением. Хотя он ни разу не осмелился выразить свои чувства, Мило никогда не выпускал Кароль из виду и беспокоился за нее из-за опасной профессии. Она об этом не подозревала, но вечерами Мило случалось сесть в машину и отправиться ночевать на парковку перед ее многоквартирным домом просто потому, что он чувствовал себя увереннее, находясь рядом с ней. Правда была в том, что больше всего на свете Мило боялся потерять Кароль: пусть он и сам до конца не понимал, что именно он вкладывал в этот глагол: боязнь, что она попадет под поезд? Что ее подстрелят, когда она будет арестовывать преступника? Или – и это куда больше похоже на истину – что ему придется смириться, увидев, как она расцветает в объятиях другого мужчины?

Кароль надела солнечные очки и расстегнула еще одну пуговицу на рубашке. Несмотря на жару, Мило устоял перед желанием закатать рукава сорочки. На его руках в верхней части были татуировки в виде каббалистических знаков, нестираемые свидетельства его давней принадлежности к знаменитой «МС-13» или «Мара Сальватруча» («Бродячие муравьи»), крайне жестокой банде, царившей в квартале Макатур-парк, в которую он от нечего делать вступил в возрасте двенадцати лет. Рожденный матерью-ирландкой от отца-мексиканца, Мило считался «чикано» среди членов этого клана, созданного молодыми иммигрантами из Сальвадора, которые подвергли его ритуалу посвящения под названием «медведка». Это было испытание для новичков – групповое изнасилование для девочек и избиение в течение тринадцати минут для мальчиков. Абсурдный акт, который должен был доказать мужество, стойкость и верность новичка, но иногда заканчивался кровью.

Несмотря на свой юный возраст, Мило его «пережил» и больше двух лет угонял автомобили, рэкетировал торговцев и перепродавал огнестрельное оружие для «Бродячих муравьев». К пятнадцати годам он превратился в подобие дикого зверя, чья жизнь управлялась только насилием и страхом. Попавший в ловушку спирали, по которой он скатывался все ниже, представляя свое будущее за решеткой или в могиле, Мило удалось вырваться исключительно благодаря уму Тома и нежности Кароль, которые вытащили его из этого ада, опровергнув принцип, что из «Бродячих муравьев» невозможно выйти даже под страхом смерти.

Заходящее солнце метало свои последние стрелы. Мило несколько раз моргнул, чтобы защититься от света и чтобы прогнать воспоминания и боль прошлого.

– Давай поедим морепродуктов? Я приглашаю, – предложил, прыжком поднимаясь на ноги.

– Учитывая, сколько у тебя осталось денег на банковском счете, в этот раз приглашаю я, – сказала Кароль.

– Мы отметим твое продвижение по службе. – Мило протянул руку, помог Кароль встать.

Они побрели с пляжа, прошли несколько метров вдоль велосипедной дорожки, которая соединяла Венис-бич и Санта-Монику, потом свернули на широкий тротуар на Третьей улице, обсаженной пальмами, где расположились многочисленные художественные галереи

и модные рестораны.

Они устроились на террасе пивного ресторана «Анизетт», где в меню, написанном по-французски, фигурировали блюда с экзотическими названиями: *frisée aux lardons, entrecôte aux échalotes ou pommes dauphinoises*^[11].

Мило настоял на том, чтобы они попробовали аперитив под названием *pastis*^[12], который ему подали на калифорнийский манер в большом стакане с кубиками льда.

Несмотря на жонглеров, музыкантов и глотателей огня, развлекавших прохожих на улице, обед прошел мрачно. Кароль была печальна, Мило мучился под грузом вины. Разговор вертелся вокруг Тома и Авроры.

– Ты знаешь, *почему* он пишет? – вдруг спросил Мило в разгар трапезы, неожиданно осознав, что он не знает главного в психологии своего друга.

– О чем ты?

– Я знаю, что Том всегда любил читать, но писать – это совсем другое. Подростком ты его знала лучше, чем я. Что его заставило придумать свою первую историю?

– Понятия не имею, – поспешила ответить Кароль.

Но она солгала.

* * *

Малибу. 8 часов вечера

Поездив по городу, я припарковал «Бугатти», которому грозила конфискация, возле дома, уже мне не принадлежавшего, как я только что выяснил. Несколькими часами раньше я был на дне ямы, но с состоянием в десять миллионов долларов. Теперь я просто был на дне ямы...

Измученный, запыхавшийся, хотя и не пробежал ни метра, я рухнул на диван, устремив взгляд на переплетение балок, поддерживавших нерезкий склон потолка.

У меня болела голова, спина разламывалась, ладони были мокрыми, желудок скрутило узлом. Сердце колотилось, поднимая грудную клетку. Внутри я был пуст, меня сжирал ожог, добравшийся до моей кожи.

Многие годы я по ночам писал, вкладывая в создание романа все эмоции и энергию. Затем я начал давать пресс-конференции и подписывать книги во всех уголках земного шара, создал благотворительную организацию, чтобы дети из моего старого квартала могли изучать искусство. Во время нескольких концертов я даже сыграл на ударных с моими «идолами»: «Рок Боттом Римейндерс»^[13].

Теперь я потерял вкус ко всему: к людям, книгам, музыке и даже к лучам солнца, опускавшегося за океан.

Совершив усилие, чтобы встать, я вышел на террасу и облокотился на ограждение. Ниже, на пляже, напоминая о периоде «Бич Бойз», старый желтый «Крайслер» с отделкой из лакированного дерева гордо нес на заднем стекле девиз города: *Malibu, where the mountain meets the sea*^[14].

Я смотрел на пылающую кайму на горизонте, освещающую небо, пока не ослеп и пока

волны не поглотили ее. Это зрелище, некогда завораживавшее меня, больше не вызывало у меня никакого восхищения. Я ничего не чувствовал, как будто мой запас эмоций иссяк.

Единственное, что могло бы меня спасти, – это новая встреча с Авророй, ее гибкое, как лиана, тело, мраморная кожа, серебряные глаза, исходящий от нее аромат песка. Но я знал, что этого не будет. Знал, что проиграл сражение, и из этого сражения я вышел с единственным желанием: сжигать свои нейроны с помощью метадона или любой другой дряни, которую я мог достать.

Мне нужно было поспать. Вернувшись в гостиную, я нервно начал искать лекарства, но вскоре догадался, что их унес Мило. Бросив кухню, принялся рыться в мешках с мусором. Ничего. Охваченный паникой, я побежал на второй этаж, открыл все шкафы, чтобы отыскать сумку для поездок. В маленьком карманчике меня ждали начатая упаковка снотворного и несколько капсул с транквилизаторами, сохранившиеся после последнего рекламного тура в Дубай, где я подписывал книги для читателей в большом книжном магазине в торговоразвлекательном центре «Молл оф зэ Эмирейтс».

Почти против воли я высыпал все капсулы в ладонь и несколько мгновений смотрел на десяток белых и голубых «куколок», которые как будто дразнили меня:

«Куда тебе, слабак!»

Никогда еще я не был так близко от пустоты. В моей голове сталкивались страшные картины: мое тело на веревке, газовый шланг во рту, ствол револьвера у виска. Рано или поздно моя жизнь обязательно закончится именно так. Разве я сам этого не знал в глубине души?

«Куда тебе!»

Я проглотил пригоршню капсул как избавление. Мне было трудно их проглотить, но поток минеральной воды протолкнул все.

Доплелся до спальни и рухнул на кровать.

Пространство было пустым и холодным, ограниченным лишь стеной из сверкающих стеклянных квадратов бирюзового цвета, достаточно прозрачных, чтобы пропускать солнечный свет.

Я свернулся клубочком на матрасе, раздавленный страшными мыслями.

С белой стены на меня с состраданием смотрели любовники Марка Шагала, как будто они сожалели о том, что не могут облегчить мои страдания. Перед приобретением дома (который больше не был моим) или кольца для Авроры (которая больше не была моей Авророй) покупка картины русского художника стала моим первым безумием. Лаконично названное «Голубые любовники» полотно Шагала датировалось 1914 годом. Я влюбился в них с первого взгляда. На картине любовники обнимались, соединенные чувством загадочным, страстью искренней и утоленной. Для меня она символизировала выздоровление двух раненых существ, пришитых друг к другу, чтобы у них остался один шрам на двоих.

Я медленно падал в состояние глубокого сна, и мне показалось, я постепенно отключаюсь от боли мира. Мое тело исчезало, сознание покидало меня, жизнь уходила из меня...

6. Когда я тебя встретил

Нужно иметь внутри себя хаос, чтобы родить танцующую звезду.

Фридрих Ницше

**ВСПЫШКА.
ЖЕНСКИЙ КРИК.
ПРИЗЫВ О ПОМОЩИ!**

Из кошмара меня вырвал звон разбившегося стекла. Я резко открыл глаза. В комнате царил темнота, дождь колотил в стекло.

Я с трудом сел в постели. В горле пересохло. Я чувствовал жар и обливался потом. Дышал я с трудом, но все-таки был жив.

Я посмотрел на радиобудильник:

03:16

С первого этажа доносился какой-то шум, и я ясно слышал, как ставни бьются о стену.

Я попробовал включить лампу в изголовье, но, как это часто случается, гроза нарушила электроснабжение в Малибу.

С превеликим трудом я встал. Меня тошнило, голова была тяжелой. Сердце колотилось о ребра, как будто я пробежал марафонскую дистанцию.

Голова закружилась, и мне пришлось опереться о стену, чтобы не упасть. Снотворное меня, конечно, не убило, но превратило в развалину, и я никак не мог прийти в себя. Больше всего меня беспокоили глаза: их как будто порезали, и они горели так, что мне тяжело было держать их открытыми.

Мучаясь от мигрени, я заставил себя спуститься на несколько ступеней, держась за перила. При каждом шаге мне казалось, что желудок выворачивает наизнанку, и меня вот-вот стошнит посреди лестницы.

На улице бушевала гроза. Под вспышками молний дом выглядел как маяк посреди бури.

Добравшись до подножия лестницы, я констатировал ущерб. Ветер ворвался через высокую стеклянную дверь, оставшуюся открытой настежь, перевернул по пути хрустальную вазу, и та разбилась. Ливень начал уже затапливать гостиную.

Проклятье!

Я поспешил закрыть стеклянную дверь и поплелся на кухню, чтобы отыскать коробок спичек. Только вернувшись назад, я вдруг почувствовал чужое присутствие и услышал дыхание.

Я резко обернулся и...

Женский силуэт, тонкий и изящный, китайской тенью проступил на фоне голубого света ночи за окном.

Я подскочил и шире раскрыл глаза. Видел я не много, но различил, что молодая женщина была голой, одной рукой она прикрывала низ живота, другой – грудь.

Этого мне только не хватало!

– Кто вы? – спросил я, подходя ближе и рассматривая ее с головы до ног.

– Эй! Вы бесцеремонны! – воскликнула она, хватая с дивана шерстяной шотландский плед и заворачиваясь в него.

– Что значит, я *бесцеремонный*? Все с ног на голову! Напоминаю вам, что *вы* в моем доме!

– Возможно, но это не повод для...

– Кто вы? – повторил я свой вопрос.

– Думала, что вы меня узнаете.

Я плохо различал ее, но ее голос, в любом случае, был мне незнаком, и у меня не было ни малейшего желания играть с ней в угадайку. Я чиркнул спичкой о коробок и зажег фитиль старого масляного фонаря, который отыскал на блошином рынке в Пасадене.

Мягкий свет залил комнату, и я, наконец, увидел незваную гостью. Это была молодая женщина лет двадцати пяти со светлыми глазами, одновременно испуганными и строптивыми, и шевелюрой цвета меда, с которой стекала вода.

– Не понимаю, как я мог бы вас узнать. Мы с вами никогда не встречались.

Она насмешливо хмыкнула, но я отказывался играть в ее игру.

– Ладно, хватит, мисс! Что вы здесь делаете?

– Это я, Билли! – сказала она таким тоном, будто это было очевидно, и натянула плед на плечи.

Я заметил, что она дрожит и губы у нее трясутся. Ничего удивительного: она промокла, а в гостиной царил ледяной холод.

– Не знаю никакой Билли, – ответил я, направляясь к большому шкафу из орехового дерева, который служил мне чуланом.

Отодвинув дверцу в сторону и порывшись в спортивной сумке, я нашел пляжную простыню с гавайским рисунком.

– Держите! – крикнул я ей, бросая полотенце с другого конца комнаты.

Она поймала его на лету, вытерла волосы и лицо, с вызовом глядя на меня.

– Билли Донелли, – уточнила она, ожидая моей реакции.

Не понимая до конца смысла ее слов, я долго стоял без движения. Билли Донелли была второстепенным персонажем моих романов: девушка трогательная, но несколько жалкая, она работала медсестрой в государственной больнице Бостона. Я знал, что многие читательницы узнавали в этой девушке себя: эдакая «девушка-соседка» с чередой неудачных любовных историй.

Опешив, я сделал несколько шагов навстречу девушке и направил на нее фонарь: изящная стройность, динамичная и чувственная, как у Билли, ее же сияющие волосы, чуть угловатое лицо с несколькими едва заметными веснушками.

Но кто эта девушка? Одержимая поклонница? Читательница, отождествляющая себя с моим персонажем? Почитательница, которая несколько не в себе?

– Вы мне не верите, так? – спросила она, устраиваясь на табурете у барной стойки в кухне, вылавливая из корзины с фруктами яблоко и вонзая в него зубы.

Я поставил фонарь на деревянную рабочую поверхность. Несмотря на острую боль, пронзавшую мой мозг, я решил сохранять спокойствие. Навязчивые поклонники знаменитостей в Лос-Анджелесе не могли удивить никого. Я знал, что как-то утром Стивен Кинг обнаружил в своей ванной комнате вооруженного ножом мужчину. Начинаящий сценарист однажды пробрался к Спилбергу, чтобы заставить его прочитать сценарий. А сумасшедший поклонник Мадонны угрожал перерезать ей горло, если она откажется выйти за него замуж...

Долгое время эта участь обходила меня стороной. Я не появлялся на телевидении, отказывался от большинства интервью и, несмотря на настояния Мило, никогда не появлялся на сцене, чтобы продвигать мои книги. Даже гордился тем, что мои читатели ценят мои истории и моих персонажей больше, чем мою скромную персону. Но мои отношения с Авророй попали в прессу и помимо моей воли перевели меня из категории писателей в менее почетную категорию «публичных людей».

– Эй! Алло! Есть кто-нибудь на другом конце провода? – окликнула меня Билли, размахивая руками. – Можно подумать, что вас сейчас удар хватит с этими вашими глазами, похожими на яйца ласточки!

Та самая «образная» речь, как у Билли...

– Все, достаточно, сейчас вы что-нибудь на себя наденете и благоразумно отправитесь к себе домой.

– Полагаю, что мне будет трудно вернуться домой...

– Почему?

– Потому что мой дом в ваших книгах. Для гения литературы вы, на мой взгляд, слишком тормозите на старте.

Я вздохнул, не поддаваясь отчаянию, и постарался ее урезонить:

– Мисс, Билли Донелли – это выдуманный персонаж...

– До этого момента я с вами согласна.

«Это уже неплохо».

– Но сегодня ночью в этом доме мы с вами в реальности.

– Ясное дело.

«Хорошо, продвигаемся понемногу».

– Итак, если бы вы были персонажем книги, вас бы здесь не было.

– А вот и нет!

«А все так славно начиналось».

– Объясните мне, как это вышло, но только быстро, потому что я очень хочу спать.

– Я упала.

– Откуда упала?

– Из книги. Выпала из вашей истории!

Я смотрел на нее, не веря своим ушам, не понимая ни единого слова из ее рассуждений.

– Вот, выпала из строчки посреди незаконченной фразы, – добавила она, указывая на лежащую на столе книгу, ту самую, которую Мило отдал мне за завтраком.

Девушка встала, принесла мне ее и открыла на странице 266. Второй раз за день я пробежал глазами абзац, в котором история резко обрывалась:

«Билли вытерла глаза, почерневшие от потоков туши.

– Пожалуйста, Джек, не уходи так.

Но мужчина уже надел пальто. Он открыл дверь, даже не взглянув на любовницу.
– Умоляю тебя! – закричала она, падая».

– Вы видите, здесь написано: «...закричала она, падая». Вот я и упала к вам.

Я шалел все больше и больше. Почему такого рода ситуации сваливаются (удачно я слово подобрал) всегда на меня? Чем я это заслужил? Я, конечно, немного сдвинутый, но не до такой же степени! Я же принял всего несколько капсул снотворного, а не ЛСД! Как бы там ни было, но девушка, вполне вероятно, существовала только в моей голове. Она вполне могла быть досадным симптомом передозировки лекарств, от которых у меня начался бред.

Я попытался уцепиться за эту идею, стараясь убедить себя, что все происходящее всего лишь головокружительная галлюцинация, оккупировавшая мой мозг. И все же не удержался от замечания:

– Вы совершенно сумасшедшая, и это еще эвфемизм. Вам об этом уже говорили, верно?

– А вам бы лучше пойти и лечь спать. Потому что у вас вместо головы задница. И это не эвфемизм.

– Да, я собираюсь пойти и лечь спать, потому что не намерен терять время с девушкой, у которой голова не варит!

– Мне надоели ваши оскорбления!

– А мне надоело возиться с безумной девицей, упавшей с луны, чтобы появиться в моем доме голышом в три ночи!

Я вытер капельки пота со лба. Мне снова стало трудно дышать, от волнения спазмы скрутили мышцы моей шеи.

Мобильный телефон оставался в моем кармане, поэтому я достал его, чтобы набрать номер поста охраны, который следил за порядком в Малибу.

– Конечно, давайте, выкиньте меня на улицу! – крикнула она. – Это же куда проще, чем помочь человеку!

Я не должен был вступать в ее игру. Разумеется, кое-что в ней не оставило меня равнодушным: мордашка из японского комикса манга, смеющаяся свежесть, мальчишество, которое смягчали глаза-лагуны и бесконечные ноги. Но порола такую чушь, что я не понимал, чем ей помочь.

Я набрал номер и стал ждать.

Первый гудок.

Лицо у меня горело, голова становилась все тяжелее и тяжелее. Потом что-то случилось со зрением: предметы стали двоиться.

Второй гудок.

Мне нужно было плеснуть водой в лицо, мне нужно было...

Но все вокруг меня потеряло реальные очертания, заколыхалось. Я услышал третий гудок, донесшийся откуда-то издалека, а потом потерял сознание и упал на пол.

7. Билли при свете луны

Музы – это привидения, и им иногда случается выходить на сцену без приглашения.

Стивен Кинг

Дождь все так же лил, не переставая, оставляя огромные капли на стеклах, дрожавших под порывами ветра. Включилось электричество, хотя огоньки ламп все еще иногда мигали.

Малибу. 4 часа утра

Укрытый покрывалом Том крепко спал на диване.

Билли включила радиаторы отопления и надела его купальный халат, который был ей слишком велик. Волосы замотаны полотенцем, в руке чашка чая, она прошлась по дому, открывая шкафы и ящики, проводя тщательный осмотр содержимого, от платяных шкафов до холодильника.

Если не считать беспорядка, царившего в гостиной и в кухне, ей понравился богемный и рок-н-рольный стиль интерьера: доска для сёрфинга из лакированного дерева, подвешенная к потолку, лампа из коралла, подозрная труба из никелированной латуни, музыкальный автомат того времени...

Она провела полчаса, просматривая книги на полках книжного шкафа, выхватывая то одну, то другую, повинувшись своему вдохновению. На письменном столе стоял ноутбук Тома. Билли включила его без всякого стеснения, но ее остановил пароль. Она попробовала несколько слов из мира литературы, но ни одно из них не позволило ей проникнуть в тайны компьютера.

В ящиках она нашла десятки писем от читателей, присланных Тому из всех уголков земного шара. В некоторых конвертах были рисунки, в других – фотографии, засушенные цветы, амулеты, медальоны на удачу... Больше часа Билли внимательно читала все эти письма и с удивлением констатировала, что в большинстве из них шла речь о ней.

Деловой корреспонденции тоже было много, но Том даже не сделал попытки ее открыть: счета, банковские выписки, приглашения на премьеры, копии журнальных статей, присланных пресс-службой издательства «Даблдэй». Без долгих колебаний она распечатала большинство конвертов, просмотрела список расходов писателя, погрузилась в отчет, который пресса дала о его разрыве с Авророй.

Читая, она часто посматривала в сторону дивана, чтобы удостовериться, что Том по-прежнему спит. Дважды она вставала и поправляла на нем покрывало, как сделала бы это для больного ребенка.

Билли долго рассматривала диораму фотографий Авроры в цифровой рамке, стоявшей на каминной полке. Пианистка излучала необыкновенную легкость и грацию. Что-то в ней такое было: сильное и чистое. Перед этими снимками Билли не удержалась от наивного вопроса: почему некоторым женщинам столько достается при рождении – красота, образование, богатство, таланты, – а другим так мало?

Потом она устроилась в амбразуре окна и стала смотреть на дождь, стучавший по стеклам. Она видела свое отражение в стекле, и оно ей не понравилось. Собственная

внешность вызывала у нее сомнения. Лицо угловатое, лоб слишком широкий. Расхлябанная фигура делает ее похожей на стрекозу. Нет, она не считала себя очень красивой со своей маленькой грудью, узкими бедрами, неловкой походкой высокой и тощей девицы и веснушками, которые она ненавидела. Хотя, разумеется, у нее были длинные до бесконечности ноги... Это ее «смертельное оружие в игре обольщения», если повторить выражение, использованное в романах Тома. Эти ноги сводили с ума многих мужчин, хотя и не самых истинных джентльменов среди них. Она выбросила эти мысли из головы и, спасаясь от «врага в зеркале», покинула свой наблюдательный пост, чтобы пройти по второму этажу.

В гардеробной гостевой спальни она нашла безупречно сложенную одежду. Эти вещи явно забыла Аврора, они свидетельствовали о внезапности ее разрыва с Томом. Билли осмотрела эту пещеру Али-бабы, глаза ее блестели, как у маленькой девочки. В гардеробе было несколько вещей из модной классики: пиджак от Бальмена, бежевый тренч «Берберри», сумка «Биркин» – настоящая! – джинсы «Нотифай»...

В ящике для обуви с поднимающейся дверкой она нашла настоящий священный Грааль – лодочки от Кристиана Лабутена. Чудо: они оказались ей по ноге! Она не утерпела и примерила их перед зеркалом со светлыми джинсами и атласным топом, подарив себе четверть часа превращения из Золушки в принцессу.

Билли закончила знакомство с домом посещением спальни Тома и удивилась тому, что эта комната купалась в голубом свете, хотя ни одна лампа не была включена. Она повернулась к картине, висевшей на стене, и, как зачарованная, смотрела на нежное объятие влюбленных.

В полотне Шагала было нечто нереальное, и оно, казалось, светится в ночи.

Мир не сделает тебе подарка, поверь мне. Если хочешь иметь полноценную жизнь, укради ее сам.

Лу Андреас-Саломе [\[15\]](#)

Теплая волна пробежала по моему телу и коснулась лица. Я чувствовал себя защищенным, мне было хорошо в тепле. Я немного посопротивлялся желанию открыть глаза, чтобы продлить этот амниотический сон в ватном коконе. Потом мне показалось, что вдали звучит песня, вернее, припев песни в стиле регги, ноты которого смешивались с запахом, пришедшим из детства: олады с бананами и яблоки в карамели.

Моя мигрень испарилась. Наглое солнце заливало своим светом всю комнату. Прикрывая глаза рукой, чтобы оно меня не слепило, я повернул голову к террасе. Музыка лилась из моего маленького радиоприемника, поставленного на сервировочный столик из полированного тикового дерева.

Вокруг стола происходило какое-то движение, против света порхали прозрачные полы платья с разрезом до верхушки бедра. Я принял вертикальное положение и сел, опираясь спиной на спинку дивана. Мне было знакомо это розовое, цвета плоти платье с тонкими бретельками! Я узнал тело, которое угадывалось под просвечивающей на солнце материей!

– Аврора... – прошептал я.

Легкий воздушный силуэт приблизился, закрывая солнце и...

Нет, это была не Аврора, это была та самая ночная сумасшедшая, которая принимала себя за персонаж моего романа!

Я прыжком сорвался с дивана, но тут же вернулся обратно, сообразив, что я голый, словно червяк.

Эта придурочная меня раздела!

Я поискал глазами одежду или хотя бы трусы, но на расстоянии вытянутой руки ничего не было.

Нет, так не пойдет!

Я схватил покрывало, обернул его вокруг талии и поспешил на террасу.

Ветер разогнал облака. Небо очистилось и сияло притягательной голубизной. В летнем платье «клон» Билли суетился вокруг стола, как летала бы пчела в лучах солнца.

– Что вы здесь до сих пор делаете? – разъярился я.

– Странный способ сказать мне «спасибо» за то, что я приготовила завтрак!

Не считая маленьких блинчиков, она поставила на стол два стакана с грейпфрутовым соком и сварила кофе.

– И потом, по какому праву вы меня раздели?

– Это была моя очередь! Вы ночью не постеснялись рассмотреть меня с ног до головы...

– Но вы в моем доме!

– Бросьте! Не станете же вы раздувать целую историю из-за того, что я видела вашего «дружка»!

– «Дружка»?!

– Ну да, вашего «Иисусика», вашу «маленькую зверушку»...

Моего «Иисусика»! Мою маленькую «зверушку»! Я поплотнее закутался в покрывало.

– Обратите внимание, что я употребила прилагательное «маленькую» ласкательно, поскольку с размером у вас все в полном порядке...

– Хватит шуток! – оборвал я ее. – К тому же, если вы хотите подольститься ко мне...

Она протянула мне чашку кофе:

– Вы когда-нибудь говорите спокойно?

– И по какому праву вы надели это платье?

– Вы не находите, что оно мне очень идет? Это платье вашей бывшей подружки, да? Я не могу представить, что вы переодеваетесь в женщину...

Я рухнул на стул и потер глаза, чтобы прийти в себя. Этой ночью я наивно надеялся, что девушка окажется всего лишь галлюцинацией, но я, к несчастью, ошибся. Это была женщина, настоящая женщина, да к тому же еще первостатейная стерва.

– Пейте ваш кофе, пока он не остыл.

– Спасибо, не хочу.

– У вас вид восставшего из могилы покойника, и вы не хотите кофе?

– Я не хочу *ваш* кофе, а это совсем другое.

– Почему?

– Потому что я не знаю, чего вы напихали в мою чашку.

– Не думаете же вы, в самом деле, что я пытаюсь вас отравить?

– Я знаю сумасшедших вашего сорта...

– Ах, «сумасшедших моего сорта»!

– Точно: нимфоманки с бредовой идеей, чтобы их любил актер или писатель, которым они восхищаются.

– Я нимфоманка?! Старина, вы действительно принимаете желаемое за действительное. И если вы полагаете, что я вами восхищаюсь, то вы попали пальцем в небо!

Я потер виски, глядя на то, как солнце победно поднимается над линией горизонта. Шейные позвонки болели, головная боль мгновенно вернулась, решив на этот раз терзать мой затылок.

– На мой взгляд, шутка слишком затянулась. Вы вернетесь к себе и не станете вынуждать меня вызывать полицию, договорились?

– Послушайте, я понимаю, что вы отказываетесь принимать правду, но...

– Но?

– ...я *действительно* Билли Донелли. Я *действительно* персонаж романа, и, поверьте, ситуация пугает меня так же, как и вас.

Ошеломленный, я все-таки отпил глоток кофе, а потом после недолгого колебания допил чашку до конца. Возможно, напиток был отравлен, но, судя по всему, яд не обладал мгновенным действием.

И все же я держался настороже. Ребенком я видел телепередачу, в которой убийца Джона Леннона оправдывал свое преступление желанием получить часть славы своей жертвы. Я не был бывшим битлом, а эта женщина куда симпатичнее Марка Дэвида Чепмена. Но я знал, что многие *сталкеры*^[16] были психопатами и переходили к действиям импульсивно и резко. Я постарался говорить как можно убедительнее, чтобы попытаться еще раз урезонить ее:

– Послушайте, я думаю, что вы слегка... не в себе. Такое бывает. Всем нам случается

действовать неадекватно. Возможно, вы недавно пережили потерю близкого человека или лишились работы? Возможно, вас бросил ваш приятель? Или вы чувствуете себя отвергнутой и полной недовольства? Если это ваш случай, я знаю психолога, который мог бы...

Она прервала мою речь, помахав перед моим носом рецептами, выписанными доктором Софией Шнабель:

– Насколько я поняла, это вам нужен психотерапевт, разве нет?

– Вы рылись в моих вещах!

– Точно, – подтвердила она, наливая мне еще одну чашку кофе.

Ее поведение выводило меня из себя. Что я должен был делать в подобной ситуации? Вызвать полицейских или врача? Слова девушки заставили меня предположить, что в прошлом она попадала либо в полицию, либо в психиатрическую лечебницу. Самое простое было бы выставить ее за дверь, применив грубую силу, но если бы я до нее дотронулся, эта зараза вполне способна сделать вид, будто я хотел ею воспользоваться. Такой риск мне был ни к чему.

– Вы провели ночь не у себя дома, – констатировал я, предпринимая последнюю попытку. – О вас наверняка беспокоятся ваши родственники или друзья. Если вы хотите кого-либо предупредить, вы можете воспользоваться моим телефоном.

– Поверить не могу! Прежде всего, обо мне никто не беспокоится, и это печально, готова признать. Что же касается вашего телефона, его вам только что отключили, – метко парировала она, возвращаясь в гостиную.

Я увидел, как Билли направляется к большому рабочему столу, который я использовал вместо бюро. С улыбкой она извлекла из кучи пакет счетов.

– Ничего удивительного, – заметила моя незваная гостья. – Вы уже несколько месяцев не платите абонентскую плату!

Это было уже чересчур. Импульсивно я бросился на нее и толкнул так, чтобы она упала в мои объятия. И пусть меня обвинят в агрессии, тем хуже. Лучше это, чем слушать ее хотя бы еще одну минуту. Я крепко держал Билли одной рукой под коленями, другой за поясницу. Она отбивалась изо всех сил, но я не отпускал ее и вытащил на террасу, где и поставил без особой нежности на пол как можно дальше от двери. Потом я поспешил вернуться в гостиную и закрыл за собой стеклянную дверь.

Вот так-то!

Добрые старые методы, только они и помогают.

Почему я выдерживал эту неприятную компанию так долго? Не так уж сложно было от нее избавиться, в конце концов! Согласен, в своих романах я писал противоположное, но иногда не так и плохо, если сила побеждает слова...

Я смотрел на молодую женщину, «запертую снаружи», с довольной улыбкой. Она ответила на мою радость непристойным жестом.

Наконец-то я один!

Покой был мне необходим. Транквилизаторы у меня закончились, поэтому я взял мой айпод и на манер друида, готовящего успокаивающий отвар, состряпал для себя плейлист из произведений Майлза Дэвиса, Джона Колтрейна и Филипа Гласса^[17]. Я включил звук, и комнату заполнили первые звуки «Kind of Blue», самой красивой джазовой композиции в мире. Этот диск нравился даже тем, кто не любил джаз.

В кухне я сделал себе новый кофе, потом вернулся в гостиную, надеясь, что моя странная гостья уже исчезла с террасы.

Но этого не произошло.

Явно в плохом настроении – еще один эвфемизм – она крушила то, в чем подавала завтрак. Кофейник, тарелки, чашки, стеклянный поднос – все, что могло разбиться, было сброшено на терракотовые плитки. Потом она забарабанила в стеклянную дверь, а затем изо всех сил метнула в нее садовый стул. Но тот лишь отскочил от непробиваемого стекла.

– Я БИЛЛИ! – прокричала она несколько раз. Тройной стеклопакет приглушил звук, и я скорее догадался, чем слышал ее слова. Это буйство не могло не встревожить соседей, так что вскоре появится служба охраны Малибу и избавит меня от докучливой девицы.

Наконец, она села у двери, опустила голову на руки и казалась сломленной и отрешенной. Тронутый таким отчаянием, я смотрел на нее не мигая, осознавая, что ее слова произвели на меня не то чтобы завораживающее впечатление, но заставили задуматься.

Она подняла голову, и между прядями золотистых волос я увидел в ее глазах цвета незабудок калейдоскоп эмоций, от самой нежной до самой хаотичной.

Я медленно подошел к стеклянной двери и тоже сел, сцепившись с ней взглядами, пытаюсь понять правду, если не найти объяснение. И только тут я заметил, как будто от боли задрожали веки Билли. Я отодвинулся и увидел, что ее платье все запятнано кровью! Потом я заметил в ее руке нож для хлеба и понял, что она сама ранила себя. Я встал, чтобы помочь ей, но на этот раз девушка сама заблокировала дверь снаружи, подперев ручку столом.

«Почему?» – спросил я ее взглядом.

Она посмотрела на меня с вызовом и вместо ответа несколько раз хлопнула по стеклу ладонью левой руки, из которой лилась кровь. Наконец, она остановила израненную руку, и я увидел три цифры, вырезанные в ее коже:

Татуировка на плече

Написанные кровью цифры плясали перед моими глазами:

В нормальное время моим первым порывом было бы набрать 911 и вызвать помощь, но что-то удерживало меня от поспешных действий. Из ран обильно текла кровь, но они не выглядели фатальными. О чем мне говорил этот жест? Почему эта женщина именно так разрезала себе руку?

Потому что она сумасшедшая...

Это понятно, а что еще?

Потому что я ей не поверил.

Какая связь между числом 144 и тем, что она мне рассказала?

Она снова со всей силы хлопнула по стеклу ладонью, и я увидел, что ее палец указывает на лежащую на столе книгу.

Мой роман, история, персонажи, вымысел...

Это же очевидно:

Страница 144.

Я схватил книгу, торопливо перелистал ее до нужной страницы. Это было начало главы:

На другой день после того, как она впервые занималась любовью с Джеком, Билли отправилась в тату-салон в Бостоне. Игла бегала по ее плечу, выталкивая чернила под кожу, мелкими штрихами нанося надпись вязью. Знак, который использовали члены древнего индейского племени, чтобы оценить суть любовного чувства: *немного тебя вошло в меня навсегда и отравило меня словно яд*. Телесный эпиграф, который она намеревалась отныне носить как помощь, чтобы встретиться с болью жизни.

Я поднял голову к моей «посетительнице». Она сжалась в комок, положила голову на колени и смотрела на меня потухшим взглядом. Неужели я ошибся? Действительно ли мне следовало что-то понять из этой мизансцены? Я неуверенно приблизился к стеклянной двери. Взгляд молодой женщины снова загорелся. Она поднесла руку к шее, чтобы скинуть бретельку платья.

На уровне лопатки я увидел узор, так хорошо мне известный. Индейский символ, который использовали яномаи^[18], чтобы описать любовное чувство: *немного тебя вошло в меня навсегда и отравило меня словно яд...*

10. Бумажная девушка

Разум писателей населен и даже захвачен их персонажами, как разум суеверной крестьянки Иисусом-Марией-Иосифом или разум безумца дьяволом.

Нэнси Хьюстон^[19]

В доме буря сменилась затишьем. Согласившись вернуться в гостиную, молодая женщина сначала зашла в ванную. Тем временем я готовил чай и мысленно составлял список того, что есть в моей аптечке.

Малибу. 9 часов утра

Она присоединилась ко мне за столом в кухне. Билли приняла душ, надела мой купальный халат и остановила кровотечение, прижав полотенце к ранам.

– У меня есть аптечка первой помощи, – сказал я, – но она не слишком большая.

В сумке с красным крестом она все же нашла дезинфицирующее средство и тщательно обработала рану.

– Зачем вы это сделали?

– Затем что вы не желали меня слушать, черт возьми!

У меня на глазах она раздвинула края порезов, чтобы оценить их глубину.

– Давайте отвезу вас в больницу. Вам надо наложить швы.

– Я сама наложу себе швы. Не забывайте, я же медсестра. Мне потребуется только хирургическая нить и стерильная игла.

– Черт! Я забыл внести их в список покупок, когда в последний раз ездил по магазинам.

– И пластыря у вас тоже нет?

– Послушайте, это дом на пляже, а не отделение «скорой помощи».

– Но, может быть, найдется шелковая нитка или конский волос? Вполне подходящий вариант. Нет, у вас есть кое-что получше! Я точно помню, что видела волшебное средство вон там, в...

Она встала с табурета, не закончив фразу, и, как будто была у себя дома, начала рыться в ящиках моего бюро.

– Вот оно! – торжествующе объявила она, возвращаясь к столу с тюбиком «Суперклея» в здоровой руке.

Билли открутила крышку маленького тюбика с надписью «только для керамики и фарфора» и выдавила полоску клея на рану.

– Подождите! Вы уверены в том, что делаете? Мы же не в фильме!

– Нет, но я героиня романа, – лукаво ответила она. – Не волнуйтесь, именно для этого его и придумали.

Девушка соединила края раны и подержала сомкнутыми несколько секунд, чтобы клей успел подействовать.

– Готово! – с гордостью воскликнула она, демонстрируя искусно обработанную рану.

Билли откусила от тартинки, которую я намазал для нее маслом, и отпила глоток чая. За чашкой я видел ее большие глаза, которые пытались читать мои мысли.

– Вы стали намного любезнее, но вы мне по-прежнему не верите, так? – догадалась она, вытирая губы рукавом.

– Татуировка – это еще не доказательство, – осторожно заметил я.

– Но мои порезы доказательство, верно?

– Доказательство того, что вы агрессивны и импульсивны, это да!

– Тогда задавайте мне вопросы!

Я покачал головой, отказываясь:

– Я писатель, а не полицейский или журналист.

– Легкое ремесло, согласны?

Я выбросил содержимое моей чашки в раковину. Зачем я мучаю себя чаем, если я его терпеть не могу?

– Послушайте, я предлагаю вам сделку...

Я не закончил фразу, размышляя о том, что именно ей предложить.

– Да?

– Я подвергну вас испытанию, задав серию вопросов о жизни Билли. Но если вы хотя бы один раз ответите неверно, вы уйдете и не станете пререкаться.

– Обещаю.

– Итак, мы договорились: при первой же ошибке вы убираетесь из этого дома, иначе я немедленно вызову полицию. И на этот раз вы можете изрезать себя на куски мясницким ножом, я оставлю вас истекать кровью на террасе!

– Вы всегда так милы или ради меня стараетесь?

– Мы поняли друг друга?

– Ок, вываливайте ваши вопросы.

– Фамилия, имя, дата и место рождения?

– Билли Донелли, родилась одиннадцатого августа тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года в Милуоки недалеко от озера Мичиган.

– Имя вашей матери?

– Валерия Стэнвик.

– Профессия вашего отца?

– Он был рабочим у Миллера, второго крупнейшего производителя пива в стране.

Она отвечала с лету, без малейших колебаний.

– Ваша лучшая подруга?

– К моему величайшему сожалению, у меня нет настоящих подруг. Только приятельницы.

– Первый сексуальный контакт?

Она задумалась, мрачно глядя на меня и ясно давая понять, что ее замешательство связано исключительно с содержанием моего вопроса.

– В шестнадцать лет, во Франции, во время лингвистической поездки на Лазурный берег. Его звали Тео.

По мере того как она отвечала, меня охватывало беспокойство, и по ее довольной улыбке я видел, что она отмечает для себя каждый верный ответ. Одно оставалось несомненным: девушка знала мои романы наизусть.

– Ваш любимый напиток?

– Кока-кола. Настоящая. Ни легкая, ни без калорий.

– Любимый фильм?

– «Вечное сияние чистого разума». Потрясающий фильм о том, как больно любить. Такой поэтичный и печальный. Вы его видели?

Она встала, вытянулась во весь рост и пересела на диван. И я вновь поразился ее сходству с Билли: те же сияющие белокурые волосы, та же естественная красота без аффектации, те же насмешливые интонации, тот же тембр голоса, который я описывал в моих книгах как «провоцирующий и насмешливый, то уверенный, то детский».

– Качество, которое вы ищете в мужчине?

– Это вопросник Пруста, что ли?

– Просто похоже.

– Честно говоря, я люблю, чтобы *мужчина был мужчиной*. Не слишком ценю парней, которые во что бы то ни стало хотят вытащить наружу свою женскую часть. Вы понимаете?

Я с сомнением покачал головой и собрался задать следующий вопрос, когда она спросила меня:

– А вы? Какую черту вы предпочитаете в женщине?

– Фантазию, я думаю. Юмор – это квинтэссенция ума, согласны?

Она указала на цифровую фоторамку, в которой сменяли друг друга фотографии Авроры.

– Но не похоже, чтобы ваша пианистка была такой уж шутницей.

– Давайте вернемся к нашему тесту, – предложил я, садясь рядом с ней на диван.

– Вы задаете вопросы, и это вас возбуждает, я права? Вы наслаждаетесь вашей минутной властью! – сыронизировала она.

Но я не позволил ей отвлечь меня и продолжил допрос:

– Если бы вам пришлось изменить одну черту в вашем облике?

– Мне бы хотелось иметь больше форм и мяса.

А я сел в лужу. Она не ошиблась ни разу. Либо эта женщина была сумасшедшей и отождествляла себя с персонажем Билли, удивительным образом копируя ее, либо она *на самом деле* Билли, и тогда безумец я.

– Ну как? – поддразнила она меня.

– Ваши ответы доказывают лишь то, что вы хорошо изучили мои романы, – сказал я, стараясь хоть как-то скрыть мое изумление.

– В таком случае задайте мне другие вопросы.

Именно это я и собирался сделать. Провоцируя ее, я отправил книгу в хромированное помойное ведро, открыл маленький переносной компьютер, легкий словно воздух, и напечатал пароль. Честно говоря, я знал намного больше о моих персонажах, чем изложил в моих романах. Чтобы прочувствовать своих «героев», я взял в привычку писать для каждого из них подробную биографию страниц на двадцать. Туда я включал максимум информации, начиная с даты рождения и заканчивая любимой песней, не забыв имя первой учительницы. Три четверти этих «сведений» не попадали в финальный вариант книги, но это упражнение было частью невидимой работы, с которой начиналась загадочная алхимия написания книги. С опытом я в конце концов убедил себя, что такая биография придавала достоверности моим персонажам или хотя бы делала их живыми, чем, вероятно, и объяснялся тот факт, что читатели узнавали в них себя.

– Вы действительно хотите продолжить? – спросил я, открывал файл, посвященный Билли.

Молодая женщина вытащила из одного из ящиков низкого стола маленькую серебристую

зажигалку и старую начатую пачку сигарет «Данхилл» — о ее существовании я сам не подозревал, — ее, должно быть, оставила одна из женщин, с которыми я встречался до Авроры. Билли закурила и сделала это стильно.

— Жду не дожусь.

Я посмотрел на экран и наугад выбрал сведения.

— Любимая рок-группа?

— Гмм... «Нирвана», — начала она было, но тут же спохватилась: — Нет! «Ред Хот»!

— Не слишком оригинально.

— Но это верный ответ, так?

Да, она ответила правильно. Несомненно, ей просто повезло. В наши дни все любили группу «Ред Хот Чили Пепперс».

— Любимое блюдо?

— Если меня об этом спрашивает приятельница с работы, я отвечаю: «Салат «Цезарь»», чтобы не сойти за обжору, но больше всего на свете я люблю большую жирную порцию рыбы с чипсами!

На этот раз не о каком везении речи быть не могло. Я почувствовал, что на лбу выступили капельки пота. Никто, даже Мило, никогда не читал «секретные» биографии моих персонажей. Они были только на моем компьютере, и вход был надежно защищен. Отказываясь признавать очевидное, я задал следующий вопрос:

— Ваша любимая позиция в сексе?

— Идите к черту.

Билли встала с дивана и затушила сигарету, сунув ее под кран.

Отсутствие ответа придало мне уверенности:

— Количество партнеров в вашей жизни? На этот раз отвечайте! У вас даже не будет права на джокер, тем более что вы его уже использовали.

Она бросила на меня взгляд, в котором не было ни следа доброжелательности.

— И вы такой же, как все! Только это вас и интересует...

— Я никогда не делал вид, что я другой. Итак, сколько?

— Вы в любом случае уже знаете: с десятков...

— Назовите точную цифру.

— Я не стану их считать в вашем присутствии!

— На это уйдет слишком много времени?

— На что вы намекаете? На то, что я шлюха?

— Я этого не говорил.

— Нет, но очень громко подумали.

Нечувствительный к ее стыдливости, я продолжал то, что все больше становилось похожим на пытку.

— Так сколько?

— Шестнадцать, кажется.

— И из этих «шестнадцати, кажется» скольких вы любили?

Она вздохнула:

— Двоих. Первого и последнего: Тео и Джека.

— Девственника и похотливого павиана. Вы предпочитаете крайности.

Женщина с презрением посмотрела на меня:

— Вау, вот он класс! Вы настоящий джентльмен.

Вида я не подал, но мне пришлось признать, что на каждый вопрос она ответила правильно.

Дзинь!

Кто-то позвонил в дверь, но я не собирался открывать.

— Вы закончили с вашими похабными вопросами? — с вызовом поинтересовалась Билли.

Я задал вопрос-ловушку:

— Ваша настольная книга?

Она смущенно пожала плечами:

— Не знаю. Я мало читаю, у меня нет на это времени.

— Отличный предлог!

— Если вы находите меня слишком глупой, то сердиться вы можете исключительно на себя! Напоминаю вам, что я создана вашим воображением. Это вы меня придумали!

Дзинь! Дзинь!

Посетитель за дверью терзал звонок, но он устанет раньше, чем я.

Раздраженный ситуацией в целом и обескураженный каждым ее правильным ответом, я завелся, не осознавая, что мой допрос превращался в преследование.

— Ваше самое большое сожаление?

— Что у меня до сих пор нет ребенка.

— В какой момент жизни вы были наиболее счастливы?

— Когда я в последний раз проснулась в объятиях Джека.

— Когда вы в последний раз плакали?

— Я забыла.

— Настаиваю, отвечайте!

— Не знаю, я плачу по любому пустяку.

— Назовите последний раз, когда это было важно.

— Полгода назад, когда мне пришлось усыпить моего пса. Его звали Аргос. Это в вашем досье не отмечено?

Дзинь! Дзинь! Дзинь!

Мне следовало удовлетвориться этими ответами. Я получил больше доказательств, чем мне было нужно, но все происходящее настолько сбивало меня с толку... Эта маленькая игра перенесла меня в другое измерение, в другую реальность, которую мой разум отказывался признавать. В смятении я обратил свой гнев против Билли:

— Чего вы больше всего боитесь?

— Будущего.

— Вы можете вспомнить худший день вашей жизни?

— Пожалуйста, не спрашивайте меня об этом.

— Это будет последним вопросом.

— Прошу вас...

Я крепко схватил ее за руку:

– Отвечайте!

– ОТПУСТИТЕ МЕНЯ, вы делаете мне больно! – закричала она, отбиваясь.

– **ТОМ!** – крикнул голос из-за двери.

Билли высвободилась из моей руки. Ее лицо побелело, в глазах загорелся огонь страдания.

– **ТОМ! ОТКРОЙ ЖЕ МНЕ, ЧЕРТ ПОБЕРИ! НЕ ЗАСТАВЛЯЙ МЕНЯ ВОЗВРАЩАТЬСЯ СЮДА С БУЛЬДОЗЕРОМ!**

Это, разумеется, был Мило...

Билли укрылась на террасе. Мне очень хотелось пойти и утешить ее после того, как я причинил ей боль, ведь я был уверен, что она не изображала гнев и печаль. Но я был настолько выбит из колеи, что перспективу поделить эту девушкой с кем-то еще я воспринял с огромным облегчением.

11. Девочка из Макартур-парка

Друзья – это ангелы, которые поднимают нас, когда наши крылья больше не могут вспомнить, как летать.

Неизвестный

- Ты едва не встретился с бульдозером! – заверил меня Мило, вваливаясь в гостиную. – О-ля-ля! Тебе не лучше. Ты выглядишь так, словно надышался бикарбоната.
- Что тебе нужно?
- Я приехал забрать мою машину, если тебя это не слишком смущает! Хочу прокатиться на ней в последний раз, прежде чем ее заберут приставы...

Малибу. 10 часов утра

- Здравствуй, Том, – поприветствовала меня Кароль, тоже вошедшая в гостиную. Она была в форме. Я бросил взгляд на улицу и увидел, что перед моим домом припаркован полицейский автомобиль.
- Ты приехала, чтобы арестовать меня? – пошутил я, крепко обнимая ее.
- Да у тебя кровь идет! – воскликнула она.
- Я нахмурился, потом заметил пятна крови на моей сорочке: сувенир, оставленный разрезанной рукой Билли.
- Не пугайся, это не моя кровь.
- Этим ты решил меня успокоить? К тому же кровь совсем свежая, – подозрительным тоном сказала Кароль.
- Подождите. Вы не можете представить, что со мной случилось! Вчера ночью...
- Чье это платье? – прервал меня Мило, поднимая шелковую тунику, перепачканную кровью.
- Авроры, но...
- Авроры? Только не говори мне, что ты...
- Нет! Оно было не на ней. Это была другая женщина.
- Ага, значит, ты встречаешься с другой женщиной! – воскликнул Мило. – Это хороший знак! Я ее знаю?
- В каком-то смысле да.
- Кароль и Мило обменялись изумленными взглядами и спросили хором:
- Кто она?
- Загляните на террасу. Вы очень удивитесь.
- Они поспешно прошли через гостиную и высунули головы в открытую дверь. Последовали десять секунд тишины, пока Мило не констатировал:
- Там никого нет, парень.
- Удивленный, я вышел к ним на террасу, где дул освежающий бриз.
- Стол и стулья были перевернуты, плитки усеяны множеством мелких осколков стекла, кругом лужицы кофе, бананового компота и кленового сиропа, но никаких следов Билли.
- Армия проводила у тебя ядерные испытания? – поинтересовалась Кароль.
- Точно, здесь хуже, чем в Кабуле, – поддержал ее Мило.

Я прикрыл глаза от слепящего солнца и посмотрел на горизонт. Гроза, бушевавшая накануне, вернула пляжу дикий вид. Волны с клочьями пены вынесли на берег несколько стволов деревьев, коричневые водоросли, старую доску для сёрфинга и даже остов велосипеда. Но мне следовало принять очевидное: Билли исчезла.

Повинуясь профессиональному рефлексу, Кароль присела на корточки около стеклянной двери, с тревогой разглядывая пятна крови, которые начинали высыхать на стекле.

– Что произошло, Том? Ты с кем-то подрался?

– Нет! Просто...

– Я считаю, что на этот раз ты обязан объясниться. – Мило опять не дал мне договорить.

– Но, идиот несчастный, ты бы уже давно получил все объяснения, если бы позволил мне договорить!

– Так договаривай же, наконец! Кто разгромил террасу? Чья кровь на платье? Папы римского? Махатмы Ганди? Мэрилин Монро?

– Билли Донелли.

– Билли Донелли? Но это же персонаж твоих романов!

– Вот именно.

– Ты получаешь удовольствие, издеваясь надо мной? – вскипел Мило. – А я еще из-за него волнуюсь! Если бы нужно было, я бы помог тебе закопать труп среди ночи, а ты, ты только и делаешь, что принимаешь меня за...

Кароль выпрямилась и тоном матери, ругающей детей, прервала нашу перепалку, повторяя жесты арбитра на боксерском ринге:

– Время вышло, парни! Дешевых шуток более чем достаточно! Сейчас мы сядем за стол и спокойно во всем разберемся, согласны?

* * *

Так мы и сделали.

Более четверти часа, не упуская ни одной детали, я рассказывал им мою невероятную историю, начиная со странной встречи с Билли посреди ночи и заканчивая допросом, который я устроил ей этим утром, убедившим меня в том, что она именно та, за кого себя выдает.

– Итак, если я правильно понял, – подвел черту Мило, – одна из героинь твоего романа выпала из плохо напечатанной фразы и оказалась в твоём доме. Так как она была голая, то надела платье, принадлежащее твоей бывшей подружке, а потом приготовила тебе на завтрак оладьи с бананом. Чтобы отблагодарить девушку, ты запер ее на террасе. Пока ты слушал Майлза Дэвиса, она вскрыла себе вены, перепачкала все вокруг кровью, а потом заклеила раны суперклеем «только для керамики и фарфора». Потом вы с ней выкурили трубку мира, сыграв в «правду». Она назвала тебя сексуальным маньяком, ты ее – шлюхой. Затем она произнесла волшебную фразу и исчезла как раз в тот момент, когда мы звонили в дверь. Я ничего не перепутал?

– Забудь. – Я вздохнул. – Я так и знал, что ты все повернешь против меня.

– Один последний вопрос: каким «табаком» вы набивали вашу трубку мира?

– Хватит! – остановила его Кароль.

Мило с тревогой посмотрел на меня:

– Тебе необходима консультация твоего психолога.

– Об этом не может быть и речи, я очень хорошо себя чувствую.

– Послушай, я знаю, что я в ответе за наш финансовый крах. Я знаю, что мне не следовало давить на тебя, заставляя написать следующую книгу к конкретному сроку. Но сейчас ты меня пугаешь, Том. Ты теряешь рассудок.

– Налицо все признаки выгорания, – смягчила вердикт Кароль, – профессиональный кризис. Три года ты работал без остановки: писал по ночам, встречался с читателями, выступал на конференциях, путешествовал, продвигая книги и подписывая их читателям. Никто бы не выдержал такой нагрузки, Том. Твой разрыв с Авророй стал последней каплей, переполнившей чашу. Ты просто нуждаешься в отдыхе.

– Прекратите разговаривать со мной как с ребенком.

– Тебе нужно снова начать сеансы с психотерапевтом, – повторил Мило. – Она рассказывала нам о лечении сном, который...

– Как это «она вам рассказывала»? Вы разговаривали с доктором Шнабель, не предупредив меня?

– Мы на твоей стороне, Том, а не против тебя, – попытался успокоить меня Мило.

– Но разве ты не можешь выпустить меня из виду хотя бы на три минуты? Ты не мог бы иногда заниматься *своей* жизнью, а не всегда только моей?

Задетый этой репликой, Мило покачал головой, открыл рот, явно хотел что-то сказать, но его лицо посерьезнело, и он передумал. Вместо этого он взял сигарету «Данхилл» из оставшейся лежать на столе пачки и вышел на пляж, чтобы покурить в одиночестве.

* * *

Мы остались вдвоем с Кароль. Она тоже закурила, выдохнула облачко дыма и передала сигарету мне, как мы делали в десять лет, когда тайком курили, прячась за тощими пальмами Макартур-парка. Считая, что она уже не на службе, Кароль распустила волосы цвета черного дерева, и они упали на голубую форменную рубашку. Ее светлые глаза контрастировали с угольно-черными прядями. Порой в выражении ее лица, лица взрослой женщины, проскальзывали неуловимые нотки, которые напоминали мне ту девочку-подростка, которой она некогда была. Нас связывали не просто симпатия или нежность. И это не было обычной дружбой. Это была неизменная привязанность, которая может появиться только в детстве и продолжается всю жизнь, чаще в горе, чем в радости.

Как каждый раз, когда мы оказывались наедине, хаос нашей юности возвращался и бил меня в лицо с силой бумеранга: та топь, которой был наш горизонт, удушливость той грязной помойки, пленниками которой мы были, душераздирающие воспоминания о наших разговорах после школы на баскетбольной площадке, огороженной сеткой...

И у меня снова возникло мощное ощущение, что нам все еще двенадцать лет. Что миллионы книг, которые я продал, преступники, которых она задержала, были частью ролей, которые мы оба играли, но, по сути, мы так никогда по-настоящему и не ушли *оттуда*.

В конце концов, не случайно ни у одного из нас не было детей. Мы были слишком заняты, сражаясь с нашими собственными неврозами, чтобы у нас возникло желание передать жизнь. О нынешней Кароль я почти ничего не знал. В последнее время мы с ней реже виделись, а когда встречались, тщательно избегали разговоров о главном. Возможно,

потому, что мы наивно надеялись: если не говорить о прошлом, то оно исчезнет. Но все было не так просто. Чтобы забыть свое детство, Мило «работал» клоуном двадцать четыре часа в сутки. Я пачкал сотни страниц, пил коктейли из лекарств и нюхал кристаллический метадон.

— Ты знаешь, я не люблю пафосные декларации, Том... — начала Кароль, нервно вертя в пальцах маленькую ложечку. Теперь, когда Мило не было в комнате, ее лицо стало грустным и встревоженным, избавившись от необходимости «делать вид». — ...мы с тобой повязаны на всю жизнь, и до смерти, — продолжала она. — Я бы отдала за тебя почку или даже обе, если бы это было нужно.

— Этого я от тебя не требую.

— Сколько себя помню, именно ты всегда находил решения для трудных задачек. Сегодня это должна была бы сделать я, но я не в силах тебе помочь.

— Не мучай себя этим. У меня все в порядке.

— Это не так. Но мне бы хотелось, чтобы ты знал одно: благодаря тебе мы с Мило смогли проделать весь этот путь.

Я пожал плечами, так как уже не был уверен, что мы на самом деле *проделали весь этот путь*. Разумеется, мы жили в более приятных местах, и страх больше не выкручивал нам внутренности, как прежде, но с высоты птичьего полета Макартур-парк был всего лишь в нескольких километрах от наших теперешних жилищ.

— В любом случае, каждое утро моя первая мысль о тебе, Том. Если ты пойдешь на дно, мы утонем вместе с тобой. Если ты сдашься, думаю, моя жизнь потеряет всякий смысл.

Я открыл рот, чтобы попросить ее перестать говорить глупости, но у меня вырвались совсем другие слова:

— Ты счастлива, Кароль?

Она посмотрела на меня так, будто я сморозил глупость, поскольку для нее вопрос выживания окончательно вытеснил вопрос счастья.

— Эта история с персонажем романа, — снова заговорила Кароль, — она не выдерживает никакой критики, согласен?

— Все выглядит притянутым за уши, — признал я.

— Послушай, я не знаю, что конкретно сделать, чтобы тебя поддержать. Могу предложить только свою дружбу и любовь. Может быть, тебе все-таки стоит попробовать лечение сном, а?

Я с нежностью посмотрел на нее, одновременно тронутый ее вниманием и твердо решивший избежать любого лечения, и возразил:

— В любом случае, мне теперь нечем за это заплатить!

Она отмела этот аргумент:

— Ты помнишь тот день, когда получил свои первые авторские? Сумма была настолько огромной, что ты настоял на том, чтобы поделиться деньгами со мной. Я, разумеется, отказалась, но ты все-таки нашел способ узнать мои банковские реквизиты, чтобы перевести деньги на мой счет. Ты помнишь мое лицо, когда я получила выписку по счету с указанием о поступлении трехсот тысяч долларов?

Вспомнив этот эпизод, Кароль немного повеселела, и в ее затуманенных глазах зажглись звездочки.

Я засмеялся вместе с ней, воскрешая в памяти тот счастливый период, когда я искренне считал, что деньги решат все наши проблемы. На несколько секунд реальность стала легче,

но эта вспышка не продлилась долго, и в глазах Кароль остались лишь слезы отчаяния, когда она обратилась ко мне:

– Соглашайся, прошу тебя. Этот курс лечения я оплачу.

Ее лицо снова исказилось, и я снова увидел перед собой измученную маленькую девочку, которую знал с детства. Чтобы облегчить ее боль, я пообещал пройти этот курс.

12. Детоксикация

Смерть придет, и у нее будут твои глаза...

Название стихотворения, найденного на прикроватном столике Чезаре Павезе^[20] после его самоубийства

Мило вел «Бугатти» медленно, что было совершенно на него не похоже. В машине царил нервное молчание.

– Ладно тебе, не делай такое лицо. Я же не везу тебя в клинику Бетти Форд^[21]!

– Гм...

В моем доме мы снова ссорились в течение часа, занимаясь безуспешными поисками ключей от его машины. В первый раз в нашей жизни мы едва не бросились друг на друга кулаками. Наконец, высказав друг другу неприятную правду, мы вызвали курьера, чтобы тот привез запасные ключи, которые Мило хранил в своем офисе.

Он включил радио, чтобы поднять настроение, но слова из песни Эми Уайнхаус^[22] только усилили напряжение:

^[23]

Я покорился судьбе, опустил стекло и смотрел, как мимо пробегают пальмы, выстроившиеся вдоль берега океана. Возможно, Мило был прав, и я скатывался в безумие и стал жертвой галлюцинаций. Я прекрасно все понимал: когда я писал книгу, я часто ходил по краю. В процессе создания книги я погружался в странное состояние: реальность мало-помалу уступала место вымыслу, и мои герои порой становились настолько реальными, что сопровождали меня всюду. Их страдания, сомнения, счастье становились моими и продолжали преследовать долгое время после того, как я поставил финальную точку в романе. Мои персонажи эскортом следовали за мной в моих снах и утром сидели со мной за завтраком. Они были со мной, когда я ходил за покупками, когда ужинал в ресторане, когда мочился и даже когда занимался любовью. Это было одновременно пьянящее и патетическое чувство, дурманящее и волнующее, но до этого времени мне удавалось сдерживать этот приятный бред в рамках разумного. В конечном итоге, если мои заблуждения часто подвергали меня опасности, они еще никогда не доводили меня до грани безумия. Почему они сделали это сейчас, когда я в течение долгих месяцев не написал ни единой строчки?

– Ах да! Я принес тебе вот это, – обратился ко мне Мило, бросая мне на колени маленькую трубочку из оранжевой пластмассы.

Я поймал ее на лету.

Мой транквилизатор...

Я открутил крышку и посмотрел на белые капсулы, которые как будто дразнили меня со дна тубы.

Зачем возвращать их мне после всех усилий очистить мой организм от них?

– Резкое прекращение приема было не слишком удачной идеей, – объяснил Мило, чтобы оправдать свой жест.

Мое сердце забилося быстрее, тревога усилилась. Я чувствовал себя одиноким, у меня болело все тело, как у наркомана во время ломки. Как можно было так страдать, не имея

физических ран?

В голове звучали аккорды старой песни Лу Рид^[24]: *I'm waiting for my man*. Я жду моего парня, я жду моего дилера. Странно все же, что этот дилер – мой лучший друг.

– Лечение сном полностью тебя восстановит, – успокоил меня Мило. – Десять дней ты будешь спать, как младенец!

Он вложил в свой голос всю радость, на которую был способен, но я видел, что он и сам в это не верит.

Я сжал тубу в руке с такой силой, что пластик был готов вот-вот разлететься на куски. Я знал, что мне достаточно положить под язык одну капсулу и дать ей растаять, и я почти мгновенно почувствую себя лучше. Я даже мог принять три или четыре, чтобы одурманить себя. На меня они здорово действовали. «Вам повезло, – заверила меня доктор Шнабель, – некоторые люди страдают от очень неприятных побочных эффектов».

Из бравады я положил тубу в карман, не выпив ни одной капсулы.

– Если лечение сном тебе не поможет, попробуем что-нибудь другое, – заверил меня Мило. – Мне рассказывали об одном типе в Нью-Йорке по имени Коннор Маккой. Судя по всему, он творит чудеса с помощью гипноза.

Гипноз, искусственный сон, флаконы с лекарствами... Я начал уставать от этого бегства от реальности, пусть даже она была лишь страданием. Я не хотел десятидневного забвения под действием нейролептиков. Не хотел отсутствия ответственности, которое оно предполагало. Пора посмотреть реальности в лицо, пусть даже это будет стоить мне жизни.

Меня давно завораживала связь между творчеством и психическим расстройством. Камиль Клодель, Мопассан, Нерваль, Арто постепенно погрузились в безумие. Вирджиния Вульф утопилась в реке. Чезаре Павезе прикончил себя барбитуратами в номере отеля. Николя де Сталь выбросился из окна. Джон Кеннеди Тул сунул шланг от выхлопной трубы в салон своей машины... И это не говоря о Хемингуэе, выстрелившем себе в голову из карабина. То же самое с Куртом Кобейном: бледный рассвет в пригороде Сиэтла, пуля в голову и вместо прощания нацарапанная записка, адресованная вымышленному другу детства: «Лучше ярко сгореть, чем медленно угасать».

В конце концов, решение ничем не хуже других...

Каждый из этих творцов выбрал свой метод, но результат был одинаковым: капитуляция. Если искусство существует потому, что реальности недостаточно, возможно, наступает момент, когда и искусства уже недостаточно, и оно передает эстафету безумию и смерти. И пусть даже у меня не было их таланта, я разделял с ними часть их неврозов.

* * *

Мило поставил автомобиль на обсаженной деревьями парковке возле современного здания, в котором соединялись розовый мрамор и стекло. Клиника доктора Софии Шнабель.

– Мы твои союзники, а не твои враги, – снова заверила меня Кароль, догоняя нас на ступенях входа.

Мы втроем вошли в здание. От администратора я с удивлением узнал, что еще накануне я был записан на прием, а моя госпитализация запланирована.

Смирившись, я последовал за своими друзьями в лифт, не задавая вопросов. Прозрачная капсула вознесла нас на последний – третий – этаж, где секретарша провела нас в огромный

кабинет, сообщив, что доктор сейчас к нам выйдет.

Комната была светлой и просторной, организованной вокруг большого письменного стола и углового дивана из белой кожи.

– Неплохое креслице! – присвистнул Мило, усаживаясь в одно из кресел в форме ладони.

Буддийские скульптуры заполняли пространство, создавая атмосферу безмятежности, наверняка способствующую тому, чтобы некоторые пациенты разговорились: бронзовый бюст Сиддхартхи, Колесо закона из керамики, дуэт газелей и мраморный фонтан...

Я наблюдал за Мило, который пытался сострить или пошутить, как делал это обычно. Обстановка кабинета со всеми этими статуями давала повод для десятка шуток, но у него ничего не получалось. Тут я понял, что он скрывает от меня нечто весьма серьезное.

Я попытался найти поддержку со стороны Кароль, но она избегала моего взгляда, делая вид, что ее заинтересовали университетские дипломы, которые София Шнабель развесила по стенам.

После убийства Итана Уайтакера Шнабель стала модным «психотерапевтом звезд». К ней на консультацию приходили некоторые небожители Голливуда: актеры, певцы, продюсеры, медийные звезды, политические деятели, «сыновья таких-то» и «сыновья сыновей таких-то».

Доктор Шнабель вела еще и передачу на телевидении, в которой мужчина или женщина «из народа» могли выставить напоказ частичку своей личной жизни и послушать несколько минут *консультацию звезды* (так называлась передача). Звезда рассказывала о своем несчастном детстве, о своих пагубных привычках, супружеских изменах, сексуальных наклонностях и сексуальных фантазиях об играх втроем.

Одни служители индустрии развлечений боготворили Софию Шнабель. Другие – ее боялись. Поговаривали, что после двадцати лет практики ее архивы могли сравниться с архивами Эдгара Гувера^[25]. Это были тысячи часов записей сеансов психоанализа, на которых открывались самые страшные и непристойные секреты всего Голливуда. Конфиденциальная информация, обычно являющаяся медицинской тайной, но если бы она стала достоянием гласности, то взорвала бы истеблишмент индустрии развлечений. Головы полетели бы и в мире политиков и юристов.

Недавнее дело только усилило власть Софии. Несколько месяцев раньше одна из ее пациенток, Стефани Харрисон – вдова миллиардера Ричарда Харрисона, основателя сети супермаркетов «Зеленый крест» – умерла в возрасте тридцати двух лет от передозировки лекарств. Во время вскрытия в ее организме были обнаружены следы антидепрессантов, транквилизаторов и средств для похудения. Все банально. Вот только дозы лекарств были действительно слишком большими. На телевидении брат погибшей обвинил Шнабель в том, что она довела его сестру до морга. Он нанял армию адвокатов и частных детективов. Последние обыскали квартиру покойной и обнаружили более пятидесяти рецептов. Они были выписаны на пять разных псевдонимов, но все собственноручно выписала... София Шнабель. Для психиатра дело повернулось очень неприятной стороной. Все еще под впечатлением от смерти Майкла Джексона, общественность начала осознавать существование огромной сети врачей, готовых поставлять рецепты своим самым состоятельным пациентам. Стремясь ограничить ее власть, штат Калифорния подал жалобу против Софии Шнабель за необоснованно выписанные рецепты, а потом неожиданно ее

отозвал. Совершенно необъяснимое поведение, так как в распоряжении прокурора были все необходимые для обвинения улики. Этот инцидент, который многие оправдывали отсутствием политической смелости у магистрата, перевел Софию Шнабель в разряд неприкасаемых.

Чтобы попасть в избранный круг пациентов этого психиатра, требовалась рекомендация постоянного клиента. Шнабель принадлежала к числу «нужных знакомств», которые представители элиты передавали друг другу по тому же принципу, как: *Где достать лучший кокаин? Какому трейдеру позвонить, чтобы максимально выгодно разместить средства на бирже? Как достать места в ложах, чтобы посмотреть игру «Лейкерс»*^[26]? *По какому номеру позвонить, чтобы выйти в свет с девушкой по вызову, которая не будет похожа на девушку по вызову* (для мужчин) или *К какому пластическому хирургу обратиться, чтобы изменить грудь, но при этом чтобы никто не заподозрил, что я ее переделала* (для женщин)?

Я был обязан своим попаданием в круг избранных одной канадской актрисе из успешного телесериала, которую Мило попытался закадрить, но своего не добился, а Шнабель вылечила от сильной агорафобии. Девушка, которую я считал поверхностной, оказалась тонким и образованным человеком. Она познакомила меня с очарованием фильмов Джона Кассаветиса^[27] и с полотнами Роберта Римана^[28].

Между мной и Софией Шнабель настоящего контакта так и не получилось. Очень быстро наши консультации свелись к простой выдаче лекарств, что в конечном итоге устраивало нас обоих: ее – потому, что наши консультации по полному тарифу не занимали более пяти минут, а меня – потому, что она никогда не отказывалась выписать мне всю ту дрянь, которую я у нее требовал.

* * *

– Добрый день, мисс. Здравствуйте, господа.

Доктор Шнабель вошла в кабинет и поприветствовала нас. На ее лице, как всегда, сияла доброжелательная улыбка, одета она была, как это часто бывало, в слишком обтягивающий пиджак из блестящей кожи, который она не застегивала, открывая топ с низким декольте. Некоторые называли это началом стиля...

Как обычно, мне потребовалось несколько мгновений, чтобы привыкнуть к внушительной массе ее волос. Шнабель была уверена, что укротила ее с помощью невообразимого перманента, выглядевшего так, словно ей пришили на голову еще теплую шкуру кудрявой болонки.

По тому как она к ним обратилась, я понял, что Шнабель уже встречалась с Мило и Кароль. Меня исключили из разговора, как будто они были моими родителями и уже приняли решение, повлиять на которое у меня не было возможности.

Но больше всего меня тревожило то, какой холодной и отстраненной стала Кароль, хотя всего лишь часом раньше в разговоре со мной она была такой эмоциональной. Теперь ей явно было неловко, она колебалась, очевидно, принужденная принять участие в операции, которую она не одобряла. Мило внешне был настроен более решительно, но я видел, что его уверенность была лишь фасадом.

Слушая двусмысленную речь Софии Шнабель, я понял одно: ни о каком лечении сном

речь никогда не шла. Меня ожидало множество исследований, которым она намеревалась меня подвергнуть, а после них – помещение в психиатрическую лечебницу! Мило пытался взять надо мной опекунство, чтобы избежать финансовой ответственности! Я достаточно хорошо знал закон, чтобы понимать: в Калифорнии врач может потребовать принудительного помещения своего пациента в психиатрическую клинику на семьдесят два часа, если он сочтет, что этот пациент достаточно нестабилен и представляет опасность для общества. Я догадывался, что признать меня таковым будет не слишком сложно.

На протяжении этого года я не раз имел дело с силами правопорядка, и мои юридические неприятности были далеки от завершения. Я был отпущен под залог по обвинению в незаконном хранении психотропных препаратов. Моя встреча с Билли, о которой Мило как раз в деталях рассказывал психиатру, окончательно перевела меня в разряд больных с психозом, страдающих галлюцинациями.

Казалось, меня уже нечем удивить, но тут я услышал, как Кароль упомянула пятна крови на моей рубашке и на стеклянных дверях террасы.

– Это ваша кровь, господин Бойд? – спросила меня психиатр.

Я не стал ей ничего объяснять: она бы мне не поверила. В любом случае, Шнабель уже составила обо мне мнение, и я вполне мог представить, как она диктует свой вердикт эксперта секретарше:

«Пациент нанес себе или пытался нанести другому человеку серьезные телесные повреждения. Его суждения, явно измененные, делают его неспособным понимать необходимость лечения, что оправдывает меру принудительного помещения в психиатрическую больницу...»

– Если позволите, давайте проведем несколько исследований.

Нет, я не хотел никаких исследований или искусственного сна, я больше не хотел никаких лекарств! Я встал с кресла, чтобы избежать этого разговора.

Я сделал несколько шагов вдоль перегородки из матового стекла, у которой стояла скульптура, представлявшая Колесо закона, украшенное язычками пламени и цветочными узорами. Высотой примерно с метр, буддийская эмблема демонстрировала свои восемь лучей, которые должны были указывать путь к освобождению от страданий. Так поворачивалось колесо Дхармы: идти по дороге к тому, «что должно быть», исследовать тропинку, чтобы найти «верное действие».

Внезапно мне стало совершенно ясно, что следует сделать: я поднял скульптуру и изо всех сил метнул ее в большое окно. Стекло разлетелось на мириады мелких осколков.

* * *

Я помню крик Кароль.

Помню занавески с атласным блеском, развевающиеся на ветру.

Помню зияющую брешь, в которую ворвался порыв воздуха, поднявший какие-то бумаги и опрокинувший вазу.

Помню призыв неба.

Помню, как полетел в пустоту, не задумавшись ни на минуту.

Помню свое парящее тело.

Помню печаль во взоре маленькой девочки из Макартур-парка.

13. Беглецы

Многие спрашивают меня, когда же я, наконец, сниму фильм с реальными людьми. Но что такое реальность?

Тим Бёртон

— Вы не слишком торопились! — укорил меня голос.
Но он принадлежал не ангелу и уж тем более не святому Петру.
Это был голос Билли Донелли!

Парковка клиники. Полдень

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Чезаре Павезе (1908–1950) – итальянский писатель и переводчик.

Ричард Бротиган (1935–1984) – американский писатель и поэт, знаковая фигура контркультуры 1960–1970-х.

Жак Брель (1929–1978) – бельгийский франкоязычный поэт, бард, актер и режиссер.

Отис Реддинг (1941–1967) – американский певец, классик соул-музыки, погибший в авиакатастрофе.

Так называемый Золотой треугольник в США образуют города: Лос-Анджелес, Лас-Вегас, Сан-Франциско.

Эмили Бронте (1818–1848) – английская поэтесса, автор романа «Грозовой перевал».

«Миллениум» – трилогия шведского писателя Стига Ларссона, ставшая бестселлером. Общий тираж всех романов трилогии составил более двух десятков миллионов экземпляров.

Бернард Мейдофф организовал крупнейшую в истории финансовую пирамиду. Количество потерпевших составляет от одного до трех миллионов человек и несколько сотен финансовых организаций, ущерб оценивается в сумму около 64,8 млрд долларов США.

Эли Визель (1928–2016) – американский и французский еврейский писатель, журналист, общественный деятель, профессор. Лауреат Нобелевской премии мира 1986 г.

Алек Ковен (р.1970) – французский писатель-фантаст.

Эндивий с ломтиками бекона, антрекот с луком-шалотом или картофель дофинуа (*фр.*).

Пастис (*фр.*) – алкогольный напиток, производимый и широко распространенный во Франции. Представляет собой анисовую водку и употребляется как аперитив.

Рок-группа из известных писателей – Стивена Кинга, Скотта Туроу, Мэтта Грейнинга, Митча Элбома, чьи концерты собирают средства на финансирование проектов по борьбе с неграмотностью. *Прим. авт.*

Малибу, где гора встречается с морем (*англ.*).

Лу Андреас-Саломе (Луиза Густавовна Саломе) (1861–1937) – известная писательница, философ, врач-психотерапевт немецко-русского происхождения, деятель культурной жизни Европы конца XIX – начала XX в.

Зд.: психически нестабильные люди, которые преследуют знаменитостей, докучают им своим присутствием и иногда нападают на них. *Прим. авт.*

Майлз Дьюи Дэвис (1926–1991) – американский джазовый трубач и бэнд-лидер, оказавший значительнейшее влияние на развитие музыки XX века;

Джон Уильям Колтрейн (р. 1961), также известен как Трейн, – американский джазовый саксофонист и композитор. Один из самых влиятельных джазовых музыкантов второй половины XX в., тенор- и сопрано-саксофонист и бэнд-лидер.;

Филип Гласс (р. 1937) – американский композитор.

Яномами – индейские племена, проживающие примерно в 250 деревнях в джунглях на севере Бразилии и юге Венесуэлы, в области, ограниченной на западе и юго-западе рекой Риу-Негру, на востоке – рекой Урарикуера и горным хребтом Серра-Парима. Сами себя называют «Дети Луны».

Нэнси Хьюстон (р. 1953) – канадская писательница.

Чезаре Павезе (1908–1950) – итальянский писатель и переводчик. Он покончил с собой 26 августа 1950 года в номере туринской гостиницы «Рома», приняв чрезмерную дозу снотворного и оставив записку: «Прощаю всех и прошу всех простить меня. Не судачьте обо мне слишком».

Знаменитый центр детоксикации в Калифорнии.

Эми Джейд Уайнхаус (1983–2011) – британская певица и автор песен, известная своим контральто-вокалом и эксцентричным исполнением смеси музыкальных жанров, включая R&B, соул и джаз, признанная критиками одной из ведущих британских исполнительниц 2000-х гг.

Они пытались отправить меня на реабилитацию, но я сказала: нет, нет, нет (*англ.*).

Лу Рид (1942–2013) – американский рок-музыкант, поэт, вокалист и гитарист, автор песен, один из основателей и лидер рок-группы «The Velvet Underground».

Противоречивая фигура американской истории, Гувер был директором ФБР с 1924 по 1972 г. Его подозревали в том, что он шантажирует политических деятелей и публичных людей благодаря собранному *досье об их связях на стороне и сексуальных пристрастиях.*
Прим. авт.

«Лос-Анджелес Лейкерс» – американский профессиональный баскетбольный клуб из Лос-Анджелеса, Калифорния.

Джон Николас Кассаветис (1929–1989) – американский кинорежиссер, актер, сценарист. Он считается одним из важнейших представителей американского независимого кино.

Роберт Риман (р. 1930) – американский живописец-минималист.